Вл. Гадзинский

Революционное движение в Восточной Галиции

Государственное издательство

ВЛАДИМИР ГАДЗИНСКИЙ

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ ГАЛИЦИИ

(Конец 1918 и начало 1919 г.г.)

Перевод с украинского

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Гиз № 5710. Главдит № 15267 Москва Напеч. 1.500 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая. 71.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящий краткий очерк революционного движения в Восточной Галиции в конце 1918 и первой половине 1919 г.г. не может дать полного обзора этого исторического периода.

Я глубоко убежден, что он изображает только некоторые интересные события, которые происходили главным образом в городе Станиславове, как центре тогдашней политической жизни, и к которым я имел более или менее непосредственное отношение. Равным образом у меня не было возможности использовать все возможные материалы (напр., у меня не было полного комплекта газеты «Республюканец» как раз со дня самого Рабоче-Крестьянского С'езда), и я не коснулся произведенной Рабоче-Крестьянскими Союзами на местах работы, имевшей большое и решительное влияние на описанные события в центре.

Я знаю также, что я не мог писать, так сказать, вполне об'ективно. Не раз, в качестве участника этих событий, я описываю их под довольно суб'ективным углом зрения...

Думаю, однако, что это есть некоторый «плюс», потому что я воспринимал и переживал эти события собственными нервами,—они остались в моей памяти печальным воспоминанием и свидетельством буржуазной украинской государственности.

В заключение—несколько слов историку украинской революции д-ру Михаилу Лозинскому («Історія українськоï революції», 1922, Вена—Лейпциг) по поводу

одной из глав его труда о «Рабоче-Крестьянских Союзах». В качестве материала он ценен, но правильно замечание д-ра Лозинского, что он «не может претендовать на полноту и правильность выводов».

В этом направлении моя работа будет ценным дополнением и пояснением с марксистской, классовой точки зрения.

В то же время я должен высказаться против мнения д-ра Лозинского, «что политика вождей рабоче-крестьянских союзов была болъшевистскою в вульгарном смысле этого слова».

Я думаю, что она была слишком мало вульгарна!

И если бы она не была слишком мало вульгарна, то противники Рабоче-Крестьянских Союзов из Национальной Рады могли бы с большей выгодой для культуры познакомиться с некоторыми частями Сибири, чем терять время за эмигрантскими интригами и «сделками» в Зап. Европе, а пролетариат и крестьянство Восточной Галиции не стонали бы под жестокой рукой своих классовых и национальных врагов — агентов парижской и нью-иоркской бирж — Падеревских, Пилсудских, Дашинских и других.

Владимир Гадзинский.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

Русскому читателю очень мало известны события, описанные в настоящей книге. А между тем она освещает с одной стороны — интересный вопрос контр-революционной деятельности западно-украинской восточно-галицкой «демократии» и социал-демократии, а также дает наглядный пример политической лжи и лицемерия мелкой буржуазии и интеллигенции в отношениях к рабоче-крестьянским массам. С другой стороны — русский рабочий и крестьянин увидят, что единственно правильной была в России политика коммунистической партии и Советской власти в стихии громадных событий нашей революционной действительности, и убедятся, что только эта большевистская политика освободила их как в политическом, так и экономическом и национально-культурном отношениях.

Думаю также, что для нашей молодежи РКСМ, Вузов, Рабфаков, Совпартшкол и др., и одновременно для всей русской партийной и советской общественности, эта книга будет полезна как с информационной, так исторически-бытовой точек зрения, а кроме того обратит их внимание на экономическое и политическое значение восточно-галицкого вопроса в ближайшем будущем.

Владимир Гадзинский.

Москва, 25/XI 23 г.

ГЛАВА I.

Общее положение Восточной Галиции в 1918 году и политические группировки.

Захват власти, по распаде австрийской империи, отдельными народностями на своих территориях застал Восточную Галицию в чрезвычайно разрушенном состоянии.

Кроме экономического расстройства и разрушений, вызванных постоянными боевыми действиями на ее территории, начиная с июля 1914 г., она вынесла всю тяжесть государственной эксплоатации окраин центральным правительством Австро-венгерской монархии. Восточная Галиция дала не только наибольший процент человеческого мяса для фронтов, но также и нефть, лес и хлеб для удовлетворения военных потребностей Габсбургской державы. В ней не лучше, чем в оккупированной Сербии, действовали чрезвычайные военно-полевые суды, на нее с большей жестокостью, чем на другие области, упала кровавая рука немецкой диктатуры австро-венгерских генералов.

Я хочу здесь закрепить для истории тот факт, что по приблизительным данным бывшего австрийского правительства повешено, расстреляно и т. д. до 36.000 человек из галицийского населения (главным образом украинцев), хотя правильнее будет повысить эту цифру до 60.000 человек, т.-е. приблизительно на 50%.

Нормальная жизнь восточно-галицийского населения была разрушена в большей степени, чем в других областях монархии; оно пережило все ужасы прифронтовой полосы, перемен власти, эвакуаций, эмиграций и т. д.

При таком состоянии, принимая во внимание сильные национальные антагонизмы (поляки—евреи, украинцы—по-

ляки, поляки—немцы), здесь нельзя искать сознательного революционного движения рабочих масс в широком понимании этого слова и стремления к всемирной перемене всех основ жизни.

Военная диктатура в 1914 г. разгромила все рабочие и крестьянские организации, она (как, впрочем, и во всех воюющих государствах) существовала под знаменем жестокого «экс лекс» (вне закона), и вся жизнь австрийских народов свелась к известному § 14 австрийской конституции[1]), на основании которого (на «законном» основании...) политикой Австро-Венгрии руководил монархист и реакционер граф Штюргк, убитый 21 октября 1916 г. социал-демократом Фридрихом Адлером.

Восточная Галиция считалась до войны наиболее отсталой областью Австрии и, будучи разрушена фронтовыми полосами, методами § 14 и переменами власти, утратила свою довоенную физиономию, в которой были до известной степени зачатки более живой политической жизни вообще и предпосылки революционного рабочего движения в частности.

Политическая жизнь Восточной Галиции сводилась к борьбе между украинцами и поляками, в которой принимали участие и социал-демократические партии обоих народов и которой пользовались: 1) центральное австрийское правительство и 2) еврейские партии, лавировавшие между страхом перед поляками и симпатиями к украинцам.

Война углубила эти антагонизмы, ослабив и без того слабое идейное единство рабочего класса; они проявились в час крушения германского империализма в ноябре 1918 г. в виде чрезвычайно жестокой национальной войны между украинцами и поляками и известного, вызвавшего много шуму, еврейского погрома, организованного поляками в момент отступления украинцев из Львова в конце ноября 1918 года.

---

[1]) § 14 австрийской конституции давал правительству право в промежутки между сессиями рейхсрата (парламента) издавать законы властью императора. Как известно, с начала войны депутаты австрийского рейхсрата были распущены по домам, и правительство получило безграничную возможность законодательствования без всякой помехи со стороны парламента. — *Прим. перев.*

В интересах дальнейшего изложения приводим основной статистический материал, освещающий социальную структуру Восточной Галиции. Она представляет собой земледельческую область с 76,82% сельского населения. Основы аграрного хозяйства в Восточной Галиции: сельский пролетарий (халупник, каморник, малоземельный) и крупная земельная собственность. Число середняков и кулаков (куркулей) незначительно.

Процентные отношения показаны в следующей таблице:

	Размер хозяйств в гектарах (гектар—$^4/_3$ десятины)	Количество хозяйств в %%%	Земельная площадь в %%%
1	До 0,5 гектара	6,5	0,25
2	От 0,5 до 1,0 гект.	12,6	0,22
3	„ 1,0 „ 2,0	23,5	4,5
4	„ 2,0 „ 5,0	37,2	17,0
5	„ 5,0 „ 10,0	14,4	14,5
6	„ 10,0 „ 20,0	3,7	7,5
7	„ 20,0 „ 50,0	0,7	3,8
8	„ 50,0 „ 100,0	0,2	2,5
9	„ 100,0 и выше	0,34	37,0

Остальное до 100% составляют так наз. «камеральные имущества» (императорские) и земля под городами и заводами.

Настоящая таблица составлена по материалам 1912 г., но в настоящее время соответствующие данные должны быть еще более резки, потому что крестьянская собственность за это последнее десятилетие сильно мельчала и сельское население пролетаризовалось.

Для использования рабочей силы средней земледельческой семьи в Галиции необходимо от 5 до 6 гектаров; это—тот минимум, при котором такая семья может существовать. По нашей схеме процент таких хозяйств достигает только 19,34. Сумма рубрик 5, 6, 7, 8 и 9 или 79,8 процентов сельского населения должны поддерживать свое существование

заработками. До войны Галиция давала Западной Европе ежегодно около миллиона организованных и неорганизованных рабочих на сезонные работы в Германию и Америку.

Что касается численности пролетариата (городского), то он составляет 11,7% населения (главные центры: Львов, Стрый, Дорогобыч, Станиславов). Он распределялся, приблизительно, по 3.000 фабрик, при чем наиболее сильными были организации железнодорожников, рабочих соляных и нефтяных промыслов и почтовых служащих. Всего постоянного пролетариата насчитывается в Галиции до 156.000 человек.

Посмотрим теперь, какие партийные группировки существовали в Восточной Галиции в момент распада Австро-Венгрии и на что могло рассчитывать революционное движение народов, идущее, главным образом, путем национального самоопределения, затмевая вес и значение социального переворота всей силой буржуазной и мелко-буржуазной, мещанской стихии.

Мы не хотим дать здесь анализ партийной жизни Вост. Галиции. Мы считаем лишь необходимым указать схематически важнейшие направления и группировки, чтобы сделать их понятными и для человека, незнакомого с галицийской политической жизнью.

Украинское население Восточной Галиции не имело «своей» родной буржуазии и крупной земельной собственности. Оно могло организоваться только в мещанские (мелкобуржуазные), а также в конфессиональные партии. Таким путем организовалась в конце XIX века национально-демократическая партия [1]), охватившая почти всю профес-

[1]) Украинская национально-демократическая партия приобрела действительную политическую силу еще в 1907 году, т.-е. со времени избирательной реформы для австрийского парламента, проведенной бар. Гаучем. Ее характеризуют т. Владимир Левинский в книге «Очерк развития украинского рабочего движения в Галиции («Нарис розвитку українського робітничого руху в Галичині») следующим образом: Украинская национально-демократическая партия начинает с 1907 года вести яркую политику в направлениях укрепления средних и мелких элементов украинского населения деревни и города. Теория и практика этого направления начинает чрезмерно идеализировать «самостоятельного трудящегося» с его малыми и мелкими делами.

сорско-адвокатскую интеллигенцию и энергичнейшие круги священства и опиравшаяся в деревне на зажиточные слои крестьянства.

Она пользовалась в Восточной Галиции наибольшим влиянием в среде украинцев, в ее руках находились почти все финансовые, кооперативные и просветительные учреждения, а также наиболее сорганизованная и наиболее влиятельная пресса. Она руководила украинской политической жизнью не только Галиции, но и всей Австрии до взрыва мировой войны и во время последней, а после захвата власти украинцами 1 ноября 1918 г. переменила свое название (перекрасила вывеску), назвавшись «Крестьянской трудовой» в целях большего приспособления к жизни, которая под влиянием революции в России и на Украине сильно демократизировала свои формы. Эта партия сгруппировала в своих рядах известных политиков: д-ра Евгения Петрушевича, д-ра Сидора Голубовича, д-ра Константина Левицкого и др.; по захвате власти; она покатилась неудержимо направо, прямо в об'ятия Антанты и Лиги Наций, и проводила решительную борьбу против всех большевистско-революционных влияний, находивших себе инстинктивную и бессознательную симпатию среди трудового населения, пролетариата и крестьянства Восточной Галиции.

Второй по силе партийной организации была украинская радикальная партия, основанная под влиянием Михаила Драгоманова его приятелями Иваном Франком и Михаилом Павликом; партия эта имела все данные стать партией революционных слоев крестьянства. Об'единяя в своих рядах наилучшие крестьянские боевые силы, она была единственной в Восточной Галиции массовой партией наибо-

Его экономическая политика на почве сейма (местного галицкого), это—политика поддержки среднего кулака (рентовых осель — название земельных участков, размером 12 — 30 десятин земли), на почве парламента — аграрная, солидарная с политикой всех австрийских аграриев. Демократизм его, еще недавно кокетничавший с социализмом, становится очень проблематическим по своей ценности. Из оппозиционной до недавнего времени группы в парламенте партия становится верной гвардией правительства, готовой каждый момент утверждать ему бюджет, налоги, давать рекрутов и проч. В этой фазе своего развития, копируя все польские образцы, — польскую национально-демократическую

лее левых крестьянских элементов [1]). Было время, когда эта партия имела чрезвычайно прочную базу в деревне (несравненно более прочную, чем национально-демократическая партия); крестьянство шло к ней с исключительной охотой и отдавало свои голоса при выборах ее кандидатам. Эта партия пережила и выдержала сильные репрессии австропольского правительства до войны, беспощадные преследования и гонения во время войны, а по переходе власти в руки украинцев в ноябре 1918 года стала чрезвычайно интересным примером расслоения на «левых» и «правых» «радикалов» (!). Об этом мы расскажем позже.

По программе, эта партия приближалась к эс-эрам, а еще больше — к «Крестьянскому союзу» (Селянска спілка) времен директории, и история ее первых выступлений до 1907 года безусловно принадлежит к наилучшим проявлениям и моментам политической жизни украинского крестьянства Восточной Галиции. Руководителями ее были тогдашние революционеры, — д-р Кирилл Трилевский, д-р Лев Бачинский, д-р Иван Макух, а из более молодых д-р Осип Назарук, и др., которые после 1 ноября 1918 года отдали себя в услужение и в упряжку национально-демократической партии и в этот решающий революционный момент чрезвычайно ярко выказали свою «псевдореволюционность», ничтожество, оппортунизм, весь свой этикетный социализм «угодовцев-предателей».

Если к этим двум партиям прибавить еще поддерживаемую австрийскими официальными кругами «христианско-общественную» группу Александра Барвинского, то этим

партию, она перенимает от последней так называемую «теорию национальной борьбы», крикливую националистическую фразеологию, а прежде всего, — ненависть к социализму и к рабочему движению вообще».

[1]) Научный социализм этой партии стал простой этикеткой. Она никогда не имела определенной физиономии и все время балансировала между национализмом и социализмом. После 1907 года, который значительно ее укрепил, она просто превратилась в левое крыло национально-демократической партии. Ее политика — национализм с аграрной окраской. От национал-демократов она восприняла враждебность к украинской социал-демократии (Владимир Левинский, там же, стр. 76).

можно закончить список мелко-буржуазных украинских правых партий Восточной Галиции [1]).

Обратим внимание на то, что наша работа в силу условий должна ограничиться революционным движением украинского крестьянства и рабочего класса, ибо, что касается польского населения, то оно в момент 1 ноября 1918 г. и до самого конца 1919 года было настолько опьянено национализмом и военными настроениями, что писать об участии его в революционном движении Восточной Галиции очень трудно и во всяком случае у меня для этого нет никаких материалов.

Левой украинской партией была социал-демократическая рабочая партия (У. С.-Д. Р. П.), у которой в момент взрыва мировой войны существовали уже во всех городах Восточной Галиции довольно сильные организации и которая представляла собой автономную секцию социал-демократической партии Австрии.

Она возникла в результате откола украинской части П. П. С.-Д. Галиции (Польской партии с.-д.) и в первом десятилетии XX века [2]), когда национальное самосознание

---

[1]) Приведем еще ради большей точности чрезвычайно интересную общую характеристику всех украинских мелко-мещанских партий, помещенную в той же интересной книжке т. В. Левинского: «Борьба против социализма породила среди украинской общественности Восточной Галиции самые дикие суждения по части социализма, социальных вопросов и рабочего движения. Социализм—украинская мещанская пресса стала отождествлять всего чаще с предательством в отношении народа и национальности (а во время существования Западной области У. Н. Р. (Украинской Народной Республики) в 1918—1919 г.г.—также с государственной изменой.—*Автор*). Для среднего украинского интеллигента социалистическая книжка заслуживает только бойкота (!) Кретинизм украинских мещанских публицистов в социальных вопросах стал общей чертой украинской мещанской общественности» (стр. 77 — 78).

Правильность этой мысли, высказанной т. В. Левинским, одним из наиболее характерных представителей У. С.-Д. Р. П., еще в 1913 году, необычайно сильно подтверждают галицийские события 1918 — 1919 г.г.

[2]) Первым проявлением самостоятельно украинского социал-демократического движения в Восточной Галиции был журнал «Воля», который начал выходить в 1900 году во Львове под редакцией Николы Ганкевича.

украинцев и польский национальный шовинизм сделали немыслимой совместную работу поляков и украинцев в единой социал-демократии.

История рабочего движения в Восточной Галиции может служить ярким примером того, как национальный вопрос ослабляет единый рабочий фронт, как вожди рабочих партий под влиянием националистических настроений переходили с линии рабочего фронта в лагерь своей буржуазии и заканчивали свою карьеру министрами буржуазных правительств национальных государств [1]).

Развитие У. С.-Д. Р. П. в Восточной Галиции шло очень медленно, и, что всего важнее, было лишено основного жизненного условия: рабочей массы. Часть рабочего класса (заводской пролетариат), созданная наплывом деревенской бедноты в города, в большинстве своем была членами радикальной партии, сохранившей свою крестьянскую идеологию, часть полонизировалась на заводах и фабриках, в которых правящий аппарат составляли поляки, и только небольшая часть, которую можно было насчитывать десятками, могла создать основу для развития У. С.-Д. Р. П.

Здесь надо заметить, что П. П. С.-Д. Галиции относилась с решительной враждой ко всем проявлениям украинского рабочего движения,—и это не в интересах «единого рабочего фронта», но в виду шовинистических настроений П. П. С.-Д., которые привели впоследствии к союзу и общему походу с польскими шовинистическими и империалистическими группами против украинского революционного движения в 1918 и 1919 г.г, а также к подстрекательству и поддержке польского авантюристского похода на Киев в 1920 году. В больших центрах, как-то, Львове и Станиславове, с большим количеством железнодорожников, в нефтяном центре Дрогобыче-Бориславе большинство рабочих составляли поляки, хотя и там удалось образовать довольно сильные секции У. С.-Д. Р. П. (районы: Борислав—во время идейной работы С. Витика, Станиславовская организация

[1]) Дашинский, Морачевский и др. у поляков, Семен Витик, Владимир Темницкий, Владимир Старосольский, Осип Беспалко у украинцев.

железнодорожников, которые после переворота первого ноября 1918 года играли видную роль в революционном движении Восточной Галиции).

Необходимо также подчеркнуть, что У. С.-Д. Р. П. имела выдающихся вождей, вышедших из самых недр рабочего класса (С. Витик, Я. Останчук, А. Шмигельский, Буняк), и теоретиков вроде В. Левинского, Е. Косевича, Ю. Бачинского и др. Все они выдвинулись во время большой стачки сельско-хозяйственных рабочих в 1902 году, захватившей 500 громад (волостей) в 24-х уездах и 150.000 крестьян, и в борьбе за избирательную реформу в австрийский парламент в 1906—1907 г.г.

Война принесла полный разгром социал-демократии Австро-Венгрии (а Галиции—в особенности), и в первые дни ноябрьского переворота, в момент чрезвычайного напряжения всех национальных сил, У. С.-Д. Р. П. в качестве сильной сорганизованной политической партии в действительности не существовала. Существовали отдельные единицы, которых сразу подхватила волна национального под'ема, и которые, в виду разрушения партийных организаций, шли в об'единенном национальном лагере против «единого польского фронта».

И У. С.-Д. Р. П. не могла дольше существовать в своих старых формах. Теперь сложилась совершенно иная политическая обстановка, созданная войной, другие условия и события, выраставшие на развалинах бывшей Австрийской империи [1]).

---

[1]) У. С.-Д. Р. П. имела за время с 1900 по 1918 г.г. три партийных с'езда: 1) первый партийный с'езд в марте 1903 года во Львове признал обязательной программу австрийской социал-демократии, утвержденную на венском с'езде 1901 года, и национальную бернскую программу 1899 года, 2) второй с'езд состоялся в январе 1906 года во Львове и прошел под знаком борьбы за особые городские организации для украинских рабочих и за организации тов. «Воля»; здесь обнаружилась оппозиция против М. Ганкевича и С. Витика, которые работали, главным образом, в П. П. С.-Д., 3) третий партийный с'езд состоялся 14 и 15 марта 1909 года во Львове при участии 112 делегатов из 25 уездов Галиции.

Кроме трех с'ездов, в июне 1907 года состоялась партийная конференция, важная тем, что на ней была утверждена У. С.-Д. Р. П.,

На место старого австро-польского правительства пришла к власти украинская мелкая буржуазия—украинская национально-демократическая партия; к ней на помощь пришли «правые и левые» радикалы и, сбитые с толку, боялись всякого, хотя бы невинного выступления, которое могло бы ослабить «национальный фронт».

Во Львове начинались кровавые бои. Отсталое восточно-галицкое население захватила волна национальной революции, вспыхнувшей на развалинах германского и австрийского империализма.

Лишь тогда, когда «национальная власть» украинской мелкой буржуазии укрепилась на своих позициях, когда линия фронта приобрела некоторую устойчивость, а государственный аппарат наладился и начал работать более спокойно (в конце ноября и в декабре 1918 года), начался процесс классового расслоения и сильная дифференциация восточно-галицийских украинских политических групп и населения.

И тогда уже не могла возродиться У. С.-Д. Р. П., а должны были народиться стихийно, как массовые организации пролетариата и деревенской бедноты, «Рабоче-Крестьянские Союзы».

вследствие чего партия вышла из организации П. П. С.-Д. и стала независимой социал-демократической единицей в общей организации социал-демократической партии Австрии.

ГЛАВА II.

Отсутствие революционного сознания у рабочего класса и инертность мещанства.

После падения Польского государства, Галиция была включена в состав Австрийской империи в качестве так называемой «коронной земли»; с этого момента отсталая страна после долгих веков польского владычества очутилась в сфере влияния венского централизма, который всею силой государственного аппарата насаждал в ней немецкие порядки и культуру. Это обстоятельство имело важные последствия для развития Галиции, потому что позволило ей при посредстве «немецкого моста» познакомиться и связаться с недоступной для нее до той поры западной культурой.

Немецкая культура оставила свой отпечаток на психике населения Восточной Галиции и, будучи проникнута «специально мещанским» характером, заглушила все революционные стремления; в рамках австрийской конституции она усыпила революционную кинетическую энергию рабочего класса и беднейшего крестьянства, — картина, которую, впрочем, мы наблюдаем во всей Западной Европе.

В то время, как царизм жестоким деспотизмом игнетом укреплял революционную энергию эксплоатируемых слоев, «мягкие формы» западно-европейской демократии и культуры «обуржуазили» рабочий класс. И потому в России вспыхнула революция и держится в невиданных еще в истории трудных условиях жизни, а на Западе революционные порывы пролетариата и до наших дней подавляются жестокой силой организованного капитала.

В то время, как восток Европы дал Ленина, Троцкого. Бухарина и других, которые выдержали герой-

скую борьбу и жестокое наступление капитала, рабочий класс Западной Европы на трупах Жореса, Либкнехта, Розы Люксембург, Зильта и др. остался в большинстве своем под влиянием социал-предателей Эберта, Гендерсона, Тома, Вандервельде и др.

И это влияние культуры и иного общественного порядка можно безошибочно распознать особенно на формах рабочего движения Галиции и на более сильной дифференциации мещанства в сравнении с противоположным берегом З б р у ч а (Украиной), находившемся под влиянием политических порядков России и ее культуры.

Минимальная доза политической свободы, которую давала рабочему классу и крестьянству австрийская конституция, не ставила перед ними с силой жестокой необходимости вопросов: «что делать?»

Она не ставила в такой резкой форме классовых противоречий, она не могла создать той пропасти и классовой ненависти, которые существовали в России между феодальным дворянством и крестьянством, между русским пролетариатом и буржуазией, с одной стороны, и бюрократией царского режима,—с другой.

И потому в Галиции не было таких горячих поисков разрешения социальных вопросов, не было той необходимости в марксистской подготовке к будущему, не было заинтересованности классовыми вопросами политической экономии и общественного строя. В то же время слабо развитая промышленность Восточной Галиции, малочисленный пролетариат, распыленность и духовная отсталость крестьянства, в связи с сознательным разрушением сельского хозяйства в интересах крупной земельной собственности, были причиной того, что развитие социал-демократических идей шло очень медленным темпом, а знакомство с теорией марксизма и революционным рабочим движением было чрезвычайно слабо.

Отсутствие политического критицизма и «мещанский кретинизм» характеризуют всю жизнь украинской мелкой буржуазии Восточной Галиции.

Можно сказать без большой ошибки, что политическая жизнь Восточной Галиции имела две основные оси, которые отодвигали на задний план все революционные идеи. Это

были: 1) стремление поляков добиться наибольшей автономии страны под польской гегемонией и задавить все более усиливавшееся украинское национальное движение; такая тенденция существовала и в П. П. С.-Д. [1]); 2) стремление украинцев к участию в управлении страной и освобождению от все более жестоких оков, которые налагали на них, при молчаливой поддержке Вены, польские олигархи Галиции (а также от опеки П. П. С.-Д.: июньская партийная конференция 1907 года).

В то же время борьба украинцев с поляками имела некоторый революционный характер в том смысле, что это была борьба между аристократическим и демократическим народом, между польской крупной собственностью и украинским экономически разоренным крестьянством, между развивающимся польским капиталом и городским пролетариатом, который увеличивал свою численность элементами сельской бедноты и батраков, которые приходили в город на заработки.

Вожди украинского движения искали в великой Украине помощи, а также необходимой для них политической теоретической подготовки. Этим об'ясняется крупное значение и влияние, которое имел в Галиции М. Драгоманов; последний в качестве революционера в области национализма и утопического социалиста всего больше соответствовал интеллигентскому мелко-мещанскому идеализму украинских политических кругов и потому пользовался такой популярностью не только в радикальной партии.

Все революционные элементы студенчества, рабочего класса и интеллигенции, желавшие ознакомиться с марксизмом и западно-европейским социал-демократическим движением, приступая к работе, встречались с такой малочисленностью пролетариата, с такими мещанскими (собственническими) настроениями, национальным шовинизмом и клерикализмом, что по большей части бесплодно растрачивали свою энергию и зачастую получали со стороны мещанских

[1]) Известное письмо секретаря Краевого Бюро профессиональных союзов т. Жулавского к центральному союзу каменщиков в Вене, в котором он пишет, что печатание украинских брошюр и воззваний не оплачивается в виду того, что: «у нас в Галиции нет никаких украинских рабочих (!). Украинцы, это—исключительно мужики (крестьяне), городское население почти исключительно польское».

и националистических кругов ироническое название «социалистов из кафе», вождей без масс и т. д.

Это относится, главным образом, к украинским социал-демократам, потому что польское социал-демократическое движение имело лучшие условия развития в таких городах, как Львов, Дрогобыч, Стрый, Борислав, и могло доставить своим вождям больше политических успехов и материальных выгод, чем политическая работа среди малочисленного украинского пролетариата.

Для того, чтобы понять, почему позднее, в 1918—1919 г.г., в эти годы испытания, кризиса и переворота, Восточная Галиция стала преградой и помехой в развитии революции, стала камнем преткновения, уничтожившим возможность соединения русско-украинской революции с революцией Венгрии, и дала ей совершенно иной ход, чем каким он мог быть в случае связи (военной и идейной) между Москвою и Будапештом, — необходимо констатировать факт отсутствия всякой строго марксистской подготовки среди рабочих и крестьян Галиции и слабость социал-демократического движения в связи с жестокой борьбой украинцев и поляков на национальной почве.

Эта отсталость и революционная несознательность бросила рабочие и крестьянские массы в момент распада германского империализма в руки мелкой буржуазии (адвокатов, профессоров, попов, учителей) и мещанства, которые, как мы увидим ниже, не только повели их против их собственных классовых интересов, но своей политической слепотой, легкомыслием, оппортунизмом и бесхарактерностью привели к крушению революционный взрыв в социальном и национальном понимании и сыграли скандальную роль «рабских прислужников» биржи и капитала в истории революции, в борьбе за новые лозунги культуры и права человека; за эту работу они ничего не получили (кроме, пожалуй, известной галлеровской армии, которая в 1919 г. совершенно уничтожила украинский национальный фронт).

Здесь мы должны подчеркнуть «духовную инертность мещанства» и его политический оппортунизм.

Это в высшей степени характерное явление,—класс, идущий в хвосте капитала и религии,—вырисовывается чрезвычайно ярко на фоне революционных событий в Восточной Галиции в 1918 — 1919 г.г.

Факты вроде, напр., известной речи доктора Е. Петрушевича, главы украинского парламентского представительства в Вене [1]), говорят сами за себя. В то время, когда на Украине развивался с силой неудержимой исторической необходимости вихрь революционных событий, и гетман Скоропадский в союзе с немцами хотел с ним справиться карательными отрядами и виселицами, Е. Петрушевич в своей речи заявил, что украинцы не хотят образования отдельного государства, а только особой коронной области в пределах Австрии, составленной из Галиции, Буковины и северной Венгрии, тогда как поляки, чехи и другие народности сознательно шли на развал Австрийской империи.

Присоединим сюда еще:

1) нерешительную и неясную тактику в отношении поляков во время боев во Львове в ноябре 1918 г. и позже;

2) скрытую (хотя и очень неудачно) упорную вражду против всех революционных идей, приходивших из России и Украины;

3) враждебное отношение к приднепровской Украине и скандальную тактику на Трудовом Конгрессе в Киеве, которая привела к тогдашнему развалу революции на Украине и к украинской, деникинской и др. контр-революциям тамже; там же;

[1]) Выписка из стенограммы заседания австрийского парламента 18 июля 1918 г., из речи д-ра Е. Петрушевича, главы украинского парламентского представительства: «Мы никогда не стремились вызвать среди народа революцию, наоборот, наш народ всегда верно стоит на страже интересов государства; изображения нашего императора (!) и до сих пор, как это всегда бывало (!), является для нашего народа священным (сочувственные возгласы среди украинских депутатов), они не будут попираться ногами (намек на поляков, которые на одной из демонстраций во Львове хотели сжечь портрет императора), а звезда (!) Габсбургской династии светит все еще ясно и ярко (!) на нашем небосклоне».—Этот высокоинтересный документ иллюстрирует ярче всех описаний последующие события, контр-революционную деятельность на основе монархических настроений украинской мелкой буржуазии.

4) известные законы о земельной реформе и выборном уставе, которые остаются документами их политического убожества и оппортунизма (см. прил. №№ 5 и 6).

Подобных пунктов можно привести сколько-угодно.

Но не в этом дело.

Мы хотели лишь в начале настоящей работы пояснить и подчеркнуть, что украинская буржуазия Восточной Галиции, которая в 1918 г. взяла в свои руки власть, не только не была в состоянии защитить свои национальные интересы, но, идя по оппортунистической линии наименьшего сопротивления, стала укрепленной позицией западно-европейского капитала и на своем контр-революционном фронте выкопала могилу свободе рабочего класса и крестьянства Восточной Галиции (а в национальном отношении не дала им об'единиться с Великой Украиной), над которой хотела господствовать бездарными руками и головой раба Антанты, — кретинизмом считающего мелкую монету буржуа-интеллигента.

Когда будущая история станет анализировать кровавые события восточно-галицкой эпопеи на фоне революции и в перспективе их отношений к ней, то она необходимо должна будет еще глубже вскрыть и разобрать жалкую роль, какую сыграла украинская мелкая буржуазия на территории Восточной Галиции не только в отношении пролетариата и крестьянства, но и в истории самоопределения украинского народа, которому она навязала себя в качестве вождя на пути к свободе и которого она хотела через своих «героев» (!) Петрушевича и Петлюру предать в руки мирового империализма и капитала [1]).

Мы не хотим входить в подробности этих событий, мы напоминаем о них только для того, чтобы на их фоне отдать себе отчет и точно понять события, описанные в следующих главах.

---

[1]) Вспомним известный договор Симона Петлюры с поляками и все переговоры и «махинации» диктатора Петрушевича с Деникиным и Антантой 1918 и 1919 г.г. а также среди эмигрантов в Вене в 1920 — 1921 г.г.

ГЛАВА III.

Национальный вопрос в Восточной Галиции, как главное препятствие для революционного движения рабочих и крестьян.

В первой главе я указал в нескольких словах на украинско-польский вопрос, но этого мало, чтобы понять, какое важное значение он имел в политической жизни Восточной Галиции, с какой силой приковывал к себе все внимание и энергию масс и политических кругов и почему он стал главной причиной того, что Восточная Галиция в конце 1918 и начале 1919 г.г. сделалась барьером, не позволившим русско-украинской и венгерской революционной стихии соединиться между собой и поплыть одним руслом.

Национальный вопрос в Восточной Галиции можно проследить вплоть до первых веков нашего тысячелетия. Напомним о войнах между польскими королями и старо-украинскими князьями (поход Болеслава Храброго на Киев и Романа на Польшу).

Польская государственная мысль никогда не признавала Украины!

Политическая линия и национальная психика польского народа не могли переносить у себя под боком этого крестьянского народа другой религии, который они в течение всего периода польской империалистической политики старались держать под своей властью и который они ненавидели тем более и тогда, когда вследствие этой политики утратили свою собственную государственную самостоятельность. Этот народ был существенной причиной политического распада Польши: казацкие войны ослабили внутренние силы и международное значение бывшего польского королевства...

В империалистической политике Польши, направленной на восток, заключались все основания ее распада.

Этот исторический процесс стал в конце минувшего столетия и вплоть до войны 1914 года в политической жизни Австрийской империи одним из неизлечимых недугов ее государственного организма и принял форму жестокой борьбы как на политическом, так и на экономическом и культурном фронтах. Украинско-польский вопрос в Восточной Галиции имел также сильную классовую основу и мог быть использован в момент взрыва революции. Это была борьба между типично-аристократическим барским, панским народом и народом крестьянским, обостренная иезуитским фанатизмом католичества и экономической тенденцией крупной земельной собственности, стремившейся разорить и подчинить своей зависимости крестьянство; это была борьба развивающегося в Восточной Галиции польского и западно-европейского капитала с пролетаризованным сельским батрачеством, ищущим работы в экономиях и городах.

Этого момента не понимали и о нем не думали социал-демократические партии обоих народов, шедшие в часы обостренной национальной борьбы рука об руку со своей буржуазией против жизненных экономических интересов своего класса.

Могла ли отсталая страна сделать больше в то время, как то же явление мы встречаем во всех странах западной Европы, начиная с момента кризиса,—взрыва мировой войны? Мы не хотим оправдывать Восточную Галицию, но это была всеобщая историческая необходимость...

Однако мы увидим ниже, что, несмотря на такое ослепление, в рядах рабочего класса шло брожение, итолько благодаря оппортунизму и политической слепоте их вождей, дело революции Восточной Галиции потерпело полную неудачу. Классовое брожение и революционные тенденции масс, проявлявшиеся с такой силой в 1918 и 1919 г.г. в Восточной Галиции, не были использованы «левыми» вождями для дела революции и безвозвратно потонули в кровавом водовороте бесплодной национальной борьбы.

Но ведь украинская радикальная партия признавала классовую борьбу и право сельского пролетариата на помещичью землю!

Ведь существование и будущность 76% украинского сельского населения были неразрывно связаны с уничтожением крупной земельной собственности, подавляющий процент которой находился в польских руках [1]).

Ведь дело шло о том, чтобы вырвать восточно-галицкую нефть, соль и поташ из рук чужого капитала...

На все это были слепы буржуазные идеологи мелкой буржуазии. С одной стороны, они хотели экономической самостоятельности в рамках национального государства, а с другой—боялись даже и скрытой борьбы с западно-европейским капиталом. И в страхе перед взрывом классового движения они кормили массы «наилучшими» продуктами зоологического национализма, чтобы хоть как-нибудь удержать над ними власть, одурманить их головы вкровавом омуте фронтовой полосы и «геройства», борьбы за родной край—Украину...

Напоминая для полноты картины довоенные условия жизни, необходимо подчеркнуть, что клерикально-аристократические, политические круги Австрии, об'единявшиеся вокруг Габсбургской династии, еще до войны дали полякам мандат на управление Галицией. Мы понимаем классовую основу этой комбинации, и понятно, почему украинское национальное движение в Восточной Галиции не отступило перед натиском австро-польских феодалов, буржуазии и папистов.

Своей силой и энергией украинское национальное движение было обязано своей классовой основе. Оно имело здоровую и плодотворную основу в экономической борьбе сельского пролетариата с крупной земельной собственностью польских помещиков,—с польскими панами.

---

[1]) Цифру 76% заимствую из ст. т. М. Барана в журнале «Галицкий коммунист», № 1, орган Гал. Орг. Ком. К. П. Б. У., стр. 16.

Используя австрийскую конституцию, это движение смогло создать довольно многочисленный кадр интеллигенции, которая могла дополнить политический и экономический фронт борьбы культурным фронтом, давая истории пример борьбы двух мелко-буржуазных культур в мире капитала, при скрытой тенденции закрыть глаза рабочего класса на все остальные вопросы его экономической жизни. Я хочу напомнить важнейшие моменты украинско-польской борьбы в Восточной Галиции, ибо на их фоне и в идейной связи с ними можно вполне понять ту трагическую, печальную роль, которую сыграла Восточная Галиция в истории революции вообще.

К этим моментам принадлежат:

1) Сельско-хозяйственная стачка 1902 г., о которой мы уже упоминали.

2) Борьба за избирательную реформу в австрийский парламент.

3) Борьба за избирательную реформу в галицкий сейм.

4) Борьба за украинский университет во Львове.

5) Борьба за так называемую «родную школу».

Все эти «борьбы» в рамках капиталистического строя должны были оставить на психике масс свои характерные идейные черты, они имели воспитательное значение и, увеличивая в то же время интерес масс к политической и культурной жизни, отвлекали их от классовых вопросов, направляя их внимание к вопросам национальным. Такого рода процесс мы наблюдаем,—что весьма важно,—в жизни академической молодежи.

В атмосфере национальной борьбы в стенах Львовского университета не могло быть речи о марксистской подготовке, о глубоком анализе западной культуры и ее капиталистического развития в последнее десятилетие. Вся жизнь университетской молодежи была направлена на поддержание «национального равновесия», малочисленные социалистические элементы не пользовались популярностью в продиктованной из венского центра капиталистическо-религиозной, аристократической структуре общественности. Под влиянием эмигрантов из России и Украины наблюдались некоторые стре-

мления к социалистической подготовке, но преобладающее большинство молодежи, можно сказать, ее львиная часть осталась «радикальной» в национальном смысле, там где надо было применять радикальные меры против поляков: укажем на покушение студента Мирослава Сичинского на «губернатора» Галиции графа Романа Потоцкого, на кровавые имматрикуляции в Львовском университете, так называемую «сецессию» (уход) украинских студентов из Львовского университета и т. д.

Эти радикальные выступления не были «левыми» в марксистском смысле, в смысле революции пролетариата против капитала.

Молодежь, воспитанная в такой атмосфере, не могла стать во главе революции в пролетарском смысле в час распада германского империализма в Галиции в 1918 году, а между тем, из этой молодежи вышли все вожди украинского движения, которые в это время взяли в свои руки руководство политикой так называемой «Западной области У. Н. Р.» (Украинской Народной Республики.)

Разумеется, они могли вести ее только по линии мелкобуржуазной идеологии и оппортунизма, и в борьбе с такой же идеологией польского народа, поддерживаемой польской шляхтой, капиталистами и западно-европейским капиталом, они должны были потерпеть беспощадный разгром и полный крах своей политической карьеры.

Но самое худшее в этом деле выпало на долю рабочих и крестьянских масс украинского населения Восточной Галиции.

В то время, как верхи общества и интеллигенции бежали за границу, чтобы после победы поляков в 1919 году прожить лихолетье в так называемой «эмиграции» на украденные при патриотическом предприятии деньги,—вся тяжесть неприятельского насилия и репрессий (контрибуций) свалилась на плечи украинского крестьянства и пролетариата, которые должны были заплатить своей кровью за свою бессознательность и наивное доверие к патриотическим вожакам.

Пусть история украинского крестьянства и пролетариата Восточной Галиции по занятии ее польскими войсками будет примером

того, как жестоко расплачивается рабочий класс и крестьянство за свою бессознательность, союз с родной и чужой по национальности буржуазией и капиталом, направленный против своих собственных классовых интересов и идеалов.

ГЛАВА IV.

Захват власти украинцами первого ноября 1918 г.

(Бессилие и отсутствие ориентации у левых групп).

Захвату власти украинцами 1 ноября 1918 года предшествовала крупная перемена политического «равновесия» Украины вообще, вызванная революционной работой большевиков и «Брестским миром», который организовал на восток от Збруча на месте царской России Украинскую Народную Республику (У. Н. Р.) под немецким протекторатом.

В Галиции наблюдалась неосведомленность и непонимание политической ситуации в России. В оценке событий на Украине наблюдалась полная разноголосица, и в то время, как одни органы Галиции защищали гетмановское правительство Скоропадского (напр., орган национал-демократов «Дело»), другие выступали против него (национал-демократическое «Новое Слово», радикальный «Громадский Голос»).

Никто, за исключением, быть может, единиц, знакомых с русскими условиями и их историей, не предвидел и не продумывал характера событий, которые разыгрывались в Петрограде и Москве и о которых доходили самые удивительные известия в тенденциозном освещении буржуазной прессы. Но, не опасаясь впасть в ошибку при оценке исторических явлений, можно сказать, что все группы и партии были настроены враждебно к большевикам и русской революции и хотели принимать ее исключительно, как национальную,—Россия распалась, настал час свободы порабощенных царизмом народов!

Но это не была в то же время сознательная враждебность и открытая ненависть к классовым врагам.

Это была вражда к новизне, ко всякому освежению заплесневевшей и душной атмосферы общественного покоя, это было настроение мещанского консерватизма, который боится всего нового и который мы в согласии с т. В. Левинским назвали «кретинизмом политической и общественной жизни Галиции того времени».

Насколько велика была неосознанность политического положения среди наиболее левых элементов украинского мещанства (milieu) того времени, примером могут служить выдержки из газеты «Будучина», которая возникла в результате брожения в общественных взглядах галицких политических группировок и наиболее левых малочисленных элементов интеллигенции, но, не имея ясной программы, осталась «беспартийным независимым органом», но интересным явлением в монотонной картине галицкой жизни.

Взгляды этого органа на события изобилуют внутренними противоречиями. Так, в одном месте в этой газете цитируется статья венского социал-демократического органа «Arbeiter Zeitung» («Рабочая Газета») от 7 февраля 1918 г., № 35, в котором напечатано следующее [1]):

«Сегодня на Украине два правительства. Одно—Украинская Центральная Рада в Киеве, представляющая украинское мещанство и «крестьянские массы», а другое—в Харькове, опирающееся на рабочие массы и войсковые части, стоящие на Украине. Между ними происходит борьба, носящая чисто классовой характер: с одной стороны пролетарии, с другой—мещанство и крестьяне».

К этому сообщению газеты «Arbeiter Zeitung», которая, как видим, имела в это время очень хорошую информацию из Украины, авторы статьи в «Будучине» прибавляют следующее: «Очевидно, что правительство, опирающееся на рабочие массы и борющееся с правительством, которое представляет мещанство и крестьянские массы, для автора из «Arbeiter Zeitung» наиболее симпатично, и он желал бы ему победы (!), но только здесь марксистский конь (теоретический)

[1]) Газета «Будучина», № 3, от 16 февраля 1918 года, статья «Политические доктрины и практика обскурантизма». Автор статьи — Степан Волынец.

уважаемого автора сбивается с дороги, хорошо утоптанной доктриной, и делает скачок в пустоту (!) и это потому, что он не имеет понятия обо всем этом деле».

В другом месте мы встречаем следующее: «Большевистское движение на Украине совершенно лишено политического характера (!). В нем принимают участие так называемые «чернорабочие»,—безработные банды, поддерживаемые «Красной гвардией», доставляющей военное снабжение». (См. «Будучину» № 4, от 23 февраля 1918 года, передовица.)

Не удовлетворяясь такими цветами революционного независимого красноречия, газета пишет: «Самостоятельная Украина, это—не та, про которую болтают наши галицкие «отцы отечества», это — страна «без хлопа и пана».

Или еще: «Между крестьянским плугом и фабричным молотом, между пролетарием-рабочим и украинским селом начинает создаваться Украина. Это — не концепция, вычитанная из книг, это—молодая Украина».

Далее: «Сделаем так, чтобы мысли, порожденные революцией на великой Украине, завладели украинским крестьянством Галиции. Не будем бояться пахать слишком глубоко, ведь надо дойти до глубины». (См. «Будучина», № 5, от 2 марта 1918г., статья «Галицкий угар», автор—Мі-Ні-Ро.)

При таком неясном политическом кругозоре приближался день, когда выбившийся из последних сил государственный организм Германии и Австрии должен был рухнуть под ударом исторической необходимости—революционной стихии.

Приближался момент, когда германская линия фронта на Западе не выдержала наступления американских подкреплений и танков, когда идеолог французского шовинизма и империализма председатель совета министров Жорж Клемансо мог заявить во французском парламенте: «Войска союзников (Антанты) заняли Лилль, Дуэ, Брюгге и другие города. В скором времени последний германский солдат должен будет покинуть Бельгию и Францию. Вскоре он оставить также Эльзас и Лотарингию» (громкие «браво» и одобрения). (Газ. «Temps» от 20 октября 1917 года.)

В этот момент происходило также заседание главного коронного совета в Берлине (17 октября 1918 года), на котором германский канцлер граф Гертлинг предложил принять «14 вильсоновских пунктов» и условия перемирия, а на самом деле безусловной капитуляции Германии.

Как реагировала на эти события Восточная Галиция и каким образом повлияла она на ход политических событий на Украине?

Здесь необходимо подчеркнуть, что политические партии Галиции (украинские), а под их влиянием и партии приднепровской Украины ориентировались на средне-европейские державы (четверной союз) с Германией во главе. И в то время, когда все другие народы Австрии: чехи, поляки, сербо-хорваты ждали своего освобождения от распада Австрии, известные «тирольцы Востока»—галицкие украинцы не могли освободиться от веры в силу германского милитаризма и ориентации на Гогенцоллернов, а еще больше—на Габсбургов.

«Кретинизм украинской галицийской политической мысли» праздновал свой могучий триумф.

Еще в июне 1918 года во Львове состоялся так называемый «С'езд нотаблей» (так сказать, избранных политиков и патриотов), на котором рассматривались вопросы текущей политики, а также возможность распада Австрии. На этот случай были начаты приготовления к захвату власти в области и к организации и мобилизации всех политических, военных и общественных сил.

Работа в стране началась, но не полным ходом, и только 17 сентября 1918 года сама жизнь подогнала галицких политиков (главным образом во Львове): «известие о том, что поляки подготовляют захват власти».

По всей стране пошла лихорадочная мобилизация всех национальных сил, и когда в конце октября наступил распад германской и австрийской армий, украинские политические организации 1 ноября 1918 г. в 5 часов утра заняли все государственные учреждения при молчаливом участии австрийских властей, которые получили приказ не сопротивляться захвату власти украинцами.

В этот же день началась также жестокая украинско-польская война.

В этот исторический день, в эти чреватые последствиями моменты украинские социал-демократы не играли никакой роли [1]). Все они принимали более или менее активное участие в государственной работе и строительстве вместе с национал-демократами и радикалами, клерикалами и попами, ибо все политические группировки об'единились на национальном фронте.

Классовое расслоение пришло позднее, можно сказать, слишком поздно, когда первые подвиги классового движения уже должны были затихнуть под жестокой рукой беспощадной польско-французской оккупации и польской разведки—этого агента западно-европейского капитала, стоявшего на страже европейской «культуры» и ограждавшего ее от наступления «большевистской заразы»...

Во Львове померялись друг с другом два национализма—украинской и польской мелкой буржуазии; рабочий класс и крестьянство шли за ними в надежде на то, что национальная власть удовлетворит их классовые стремления и не даст им погибнуть в экономической и социальной нужде.

Но история показала противное!

---

[1]) Главными вождями тогдашней У. С.-Д. Р. П. были: 1) Семен Витик, выдающийся агитатор и организатор галицкого пролетариата, руководивший в этот час захватом власти в Дрогобыче и Бориславе, бывший депутат австрийского парламента, 2) Никола Ганкевич, работавший главным образом в П. П. С.-Д. и не принимавший активного участия в событиях 1 ноября 1918 года, 3) Осип Беспалко, находившийся в Буковине и только в декабре 1918 года приехавший в Восточную Галицию и в 1919 году принимавший участие в работах Национальной Рады в Станиславове, в качестве члена с.-д. фракции, 4) Владимир Темницкий, принимавший только впоследствии участие в работах Национальной Рады и выехавший затем во Францию в качестве товарища министра иностранных дел.

ГЛАВА V.

От первого ноября 1918 г. до конца марта 1919 г.

Переворот—захват власти украинцами—был стихийным выступлением украинского населения, организованным представителями армии (как-то: погибший Дмитро Витовский, сотник Черский (будущий командир I горной бригады, которая, будучи отрезана после победы поляков в мае 1919 года от отступавшей на Збруч галицкой армии, перешла в Чехо-Словакию), сотник Черевко, Коссак, Стефанов, и др.) при нейтральном отношении австрийских официальных кругов и бюрократии. Поляки были захвачены врасплох этим фактом, они не ожидали, что украинцам удастся захватить в свои руки инициативу, благодаря большей решительности в проведении переворота. Перед силой они сначала отступили, однако, будучи неподготовлены, они хотели вступить в переговоры, а на самом деле выиграть время, чтобы сорганизовать свои силы. Украинская политика в отношении поляков проводилась в полном смысле «в перчатках» и позволила им сорганизовать еще неподготовленные, разрозненные национальные рессурсы.

Если бы украинские мещанские партии знали или хотя бы только отдавали себе отчет в тогдашней ситуации и соотношении сил, то они или не устраивали бы переворота, или вели бы решительную и яркую политическую линию—беспощадной борьбы и репрессий против поляков.

Но ни того, ни другого не было!

Переворот был совершен, но вместо терроризации поляков, вместо заарестования всей польской аристократии, бюрократии и политических вождей начались «переговоры» (паны сговариваются с польскими панами,—говорили украин-

ские солдаты на фронте); оставляя тыл неорганизованным, украинцы стали сдавать во Львове одну позицию за другой, в конце концов они допустили, чтобы поляки, отделавшись от первого настроения страха, апатии и бессилия, пришли в себя, начали быстро организовывать свои военные силы и переходить в наступление. В то же время эта нерешительная политика исполнительного органа, назначенного «Народным Комитетом» [1]) по соглашению с другими фракциями под названием «государственного секретариата»— министерства, деморализовала настроение масс и вызвала чувство неуверенности и тревоги за будущее, тем более, что не было выпущено ни одного революционного воззвания к массам; крестьяне и рабочие были только приглашены в довольно грубой рабской форме: «выходить и резать ляхов».

Это был единственный решительный призыв и лозунг, в котором сказалась вся политическая философия галицких украинских политических партий.

А события шли с неудержимой, кинематографической быстротой.

Только три недели продержались украинцы во Львове [2]). Не уничтожив с самого начала (в первых числах ноября 1918 года) стратегического моста на Сане около Перемышля, украинцы предоставили полякам свободный подступ к Львову с запада и возможность подвоза к Львову военного снаряжения и подкреплений.

Тем самым судьба Львова была решена.

21 ноября 1918 года началось паническое отступление украинского правительства из Львова через Золочев в Тарнополь, и линия фронта прошла приблизительно через Сокаль, Яворов, Городок, Самбор и Лупков в Карпатах. Эта линия соответствовала этнографической границе украинского населения Восточной Галиции и в такой форме с небольшими переменами продержалась до первых чисел мая 1919 года,

---

[1]) «Народный Комитет» — высший исполнительный орган национальной демократической партии.

[2]) Я не намерен писать историю борьбы украинцев с поляками. Я лишь напоминаю этот политический фон, так как на нем разыгрались и обнаружились явно революционные тенденции пролетариата и незаможных крестьян-бедняков.

т.-е. до так называемого наступления (оффензивы) генерала Галлера [1]) при руководстве французского генерального штаба.

За этой линией фронта шла лихорадочная работа по организации государственного аппарата (национального): армии, администрации, политических органов и т. п.

В самом начале это национальное движение носило классовый характер. Власть в стране взял в руки «демократический» народ, совершенно не имевший собственной аристократии, народ, у которого даже епископы, за исключением графа Шептицкого, происходили, так сказать, «из народа». Таких епископов (греко-католических) было в Галиции три: во Львове, Перемышле и Станиславове [2]). Можно было надеяться, что народ, состоявший исключительно из крестьянства и рабочих (интеллигенция—в первом или втором поколении из крестьян) поведет политику, если не по прямой линии социализма, то в союзе с ним и даст ей ориентацию не на аристократию и капитал Западной Европы, а на русско-украинскую революцию, на родную ей по национальности Украину.

Крестьянские массы, которые были призваны на фронт «за волю украинского народа», верили, что родная власть—украинское государство—даст им улучшение экономического положения, отдаст ту помещичью польскую землю, на которую с такой завистью и вожделением смотрел сельский бедняк-пролетарий, вкладывавший тяжкий труд в ее обработку, но не ради себя.

Крестьянская масса верила «отцам народа» и шла на фронт.

Они, эти тысячи «солдат-рабов», возвращались с итальянского, балканского, французского и других фронтов, воз-

---

[1]) Генерал Галлер, австрийский полковник, бежал или выехал во время войны через Россию во Францию и там сорганизовал польский корпус, так называемую «армию Галлера», которая и поныне составляет наилучшую часть польской армии и, будучи перевезена в Польшу через Германию согласно Версальскому договору, разбила в июне 1919 года украинскую галицкую армию.

[2]) Станиславовский епископ Григорий Хомишин—сын подольского середняка, из села Гадинковец, Гусятинского уезда.

вращались после неслыханных трудов и лишений в родной край и радостно шли снова на фронт (!), веруя, что теперь-то и настала воля для Украины и ее народа.

Так же думал и украинский рабочий класс—эти железнодорожники, по три недели не сходившие с паровозов, и мелкие служащие на станциях, когда, в момент саботажа польских служащих, они взяли на себя работу на железных дорогах. Высокую сознательность и понимание значения государственного строительства выказали также почтовые служащие, рабочие соляных рудников и профессиональные союзы.

Все думали, что будет лучше жить, что придет «земля и воля».

Крестьянство начало брать в свои руки экономии и фольварки, рабочие надеялись, что они будут допущены к участию во власти и управлении страной.

Тем временем они собственными глазами видели, как организовались жандармерия, полиция, армия, администрация, «народ» ждал,—земли не давали, рабочих попрежнему не принимали за людей-граждан. Эти слои увидели, как собственные «паны» обрастали перьями, как шла грандиозная спекуляция нефтью, солью, свечами и т. п. продуктами, как вся интеллигенция, строившая государство, набивала карманы и в подавляющем большинстве не вспоминала ни словом ни о земле, ни о рабочих требованиях.

А тот, кто напоминал, тот разбивал «национальное единство, единодушие, ослаблял фронт, был изменником, одним словом—«большевик»!

Первые настроения боевого периода миновали. Вся жизнь шла под знаком потребностей фронта, тыл работал, государственный аппарат налаживался, однако дело в общем не шло по той дороге, какой ожидал «народ», т.-е. рабоче-крестьянская масса.

Уже в начале декабря 1918 года в массах началось брожение, все больше и больше недовольных и встревоженных людей приезжало в центр (Станиславов) и спрашивало: «что будет?»

В центре господствовала официальная ориентация на Украину Директории (она не была искренна, но была при-

нята под давлением масс); в действительности умами всех ответственных галицких политических кругов овладело не только полное недоверие к Надднепрянщине (приднепровской Украине), но и какой-то наивный мещанский страх перед большевизмом.

На словах был провозглашен священный завет об'единения «всех украинских земель», а на самом деле, по приказу правительства д-ра Голубовича, была расставлена пограничная стража на р. Збруч и вошел в употребление термин: «Западная область У. Н. Р.»

Это действовало на массы и их настроение чрезвычайно деморализующе (в национальном смысле), но укрепляло классовое самосознание.

Во всех городах, как-то: Коломыи (центр Гуцулщины), Чорткове, Бучаче, Тарнополе, начали организовываться кружки недовольных, так сказать, «ячейки политического брожения», которые старались понять тогдашнее политическое положение.

В стране были лица, которые ранее работали в У. С.-Д. Р. П., которые бывали в Америке, видели тамошнее развитие капитала и рабочее движение, а также и такие, которые пережили революцию в России и на Украине; среди них было много радикалов.

Все эти политически не определившиеся элементы, революционные, идейные, но без строго продуманной программы, в большинстве с очень слабой марксистской подготовкой, не могли примириться с работой официальных социал-демократических кругов и их вождей, которые уже тогда оторвались от масс и хотя официально состояли в оппозиции к правительству, но в действительности работали сообща с мелко-буржуазными партиями над устроением «национального рая». Они не могли примириться с оппортунизмом и бездушием радикальной партии, которая уже тогда ничем не отличалась от национал-демократов и была ее «филией» (отделением) с более левой вывеской, но зато еще более беспринципным содержанием. Они не могли существовать без организации при том критическом состоянии, когда мещанские партии все больше и больше катились направо, когда вместо того, чтобы искать связи с револю-

цией, если не русской, то украинской, они шли рука об руку с Антантой и западно-европейским капиталом. Последний в то время, под влиянием польской информации, не хотел с ними связываться (внутренно считая их большевиками), но обманывал обещаниями, посылая одновременно на помощь полякам уже упомянутую нами польско-французскую галлеровскую армию.

Из этого брожения, из этой неопределенности политического положения и классового расслоения, из беспринципной, а на самом деле «чрезвычайно принципиальной» политики мещанских мелко-буржуазных партий, при всей политической отсталости и неподготовленности крестьянства и рабочего класса, под бессознательным механическим влиянием русской революции, в качестве ее отголоска и естественного отклика, родились зачатки рабоче-крестьянских классовых организаций, начали всюду закладываться «Рабоче-Крестьянские Союзы» [1]).

Это еще не были ясно намеченные тенденции классового переворота или продуманная программа борьбы с капиталом.

Это были только думы единиц, которые, глядя на жизнь, инстинктивно чувствовали, что путь украинской политики лежит не на запад, а на восток и север—на революцию, что политика национал-демократов, радикалов, социал-демократов «а ля» Витик, Темницкий, Беспалко (которые тогда еще не проявили с полной ясностью своих ярких социал-изменнических настроений) ведет к полному развалу, к утрате всего добытого при распаде Австрийской империи. Они чувствовали, что только на революцию, только на большевиков может рассчитывать работник и сельский бедняк Восточной Галиции, что это—концепция реальной поли-

[1]) Можно иметь разные взгляды на роль и работу Рабоче-Крестьянских Союзов 1918 — 1919 г.г. Особенно о них не любят вспоминать галицкие национал-демократы, радикалы и социал-демократы. Однако все же остается историческим фактом, что они являются единственным революционным порывом галицких украинских рабоче-крестьянских масс, посреди моря мещанства, реакции, политической слепоты, государственной бездарности и глупости,—движением, которое при отмеченной классовой тенденции обладало всеми данными для успеха, но не дало результатов вследствие: 1) работы социал-предателей, 2) военно-политического положения—победы поляков.

тики, хотя о русской революции ходили страшные слухи и не было людей, которые имели бы с нею связи и могли бы дать о ней надлежащее раз'яснение массам.

Все наиболее левые, хотя бы и лишь слабо сознательные социал-демократические элементы, все мыслящие наиболее революционно элементы сельского пролетариата ожидали только призыва и приказа к основанию новой политической организации, которая соответствовала бы новым формам и расслоению классовых отношений.

Руководителями и живыми организаторами этих новых идей, которые имели несомненную связь с классовой постановкой революции на Украине и в России, были железнодорожники, особенно станиславовские, которые за короткое время существования Западной области У. Н. Р. не раз выступали в качестве сознательного и зрелого слоя пролетариата, не раз энергично наступали на правительство, сознавая свою силу, как организаторов государственного транспорта.

Их силами и средствами была организована первоначальная работа и было приступлено к изданию газеты в виде «революционно-демократического еженедельника». В то же время при активной помощи железнодорожников, в качестве организаторов, были основаны во всех важнейших городах Восточной Галиции Рабоче-Крестьянские Союзы, а среди населения стала распространяться газетка под названием «Республиканец».

Первый номер этой газеты вышел 1 января 1919 года (два месяца после переворота), как раз перед с'ездом так называемой «Национальной Рады» [1]), которая должна была открыть свои заседания 3 января 1919 года. Выборы в Раду производились товариществами, союзами, кооперативами (на самом деле они не производились, и производить их было невозможно в условиях фронтовой полосы), и попали в нее или, как говорили, «были избраны» все бывшие члены пар-

---

1) Национальная Рада — нечто вроде парламента. Так понимали ее мещанские партии. В действительности это был с'езд бессистемно и случайно выбранных наиболее выдающихся украинцев.

ламента и сейма [1]), наиболее видные священники и интеллигенты, а также небольшое число сельских зажиточных элементов—«кулаков», пользовавшихся репутацией в национально-демократической и радикальной партии. Мы хотим на этом месте закрепить тот факт, что в Национальной Раде не было рабочих и крестьян, а были главным образом профессора, адвокаты, попы, учителя и мелкая интеллигенция [2]); сверх того, совершенно не было делегатов из армии [3]). Социал-демократическая партия имела нескольких представителей (около 12), из которых наиболее значительные: Витик, Беспалко, Темницкий, Устиянович и др.

Революционные элементы, об'единившиеся вокруг газеты «Республиканец», не имели, как я уже упомянул, строго марксистской подготовки или теоретической программы, но были главными работниками по организации и распространению идеи Рабоче-Крестьянских Союзов. Все-таки они ясно и недвусмысленно выдвинули лозунг: «Земля—крестьянам, фабрики—рабочим».

Надо также подчеркнуть, что тогдашние видные социал-демократы Витик, Темницкий, Беспалко плохо чувствовали себя среди членов союза и делали все для того, чтобы не революционизировать, а усыпить рабоче-крестьянскую массу. Они доказывали, что новых организаций не нужно, когда существуют старые социал-демократические и могут превосходно продолжать свою работу; их нужно только

---

[1]) В Австрии избирались как члены «венского» общегосударственного парламента, так и сеймов, существовавших в автономных областях, например: во Львове—для Галиции, в Праге—для чехов, в Инсбруке — для Тироля и т. д.

[2]) Газета «Республиканец» в № 4 от 25 января 1919 г. в статье «К настоящему моменту» пишет: «Собралась первая сессия «Национальной Рады» в Станиславове, и думалось, что зал будет заполнен крестьянскими сираками (одежда из овчин, которую носят галицкие крестьяне) и рабочими блузами, что мы увидим сплошь грубые крестьянские и рабочие лица. Так должно быть в среде демократического народа. Но где там! Были, правда, крестьяне и рабочие, но в ничтожном количестве, и они чувствовали себя еще более чужими среди украинской интеллигенции».

[3]) Всех депутатов в Национальной Раде было около 154. Точных статистических данных у нас, к сожалению, не имеется.

обновить и оживить. Мы еще яснее увидим эту социал-предательскую работу в дальнейшем, когда будем говорить об их поведении во время Рабоче-крестьянского трудового с'езда (30—31 марта 1919 года), на котором Витика не было,—он благоразумно не явился,—и после которого Осип Беспалко и Владимир Темницкий, быть может, за срыв с'езда и лояльную службу мещанским партиям были вскоре назначены украинскими министрами [1].

Отмеченный выше классовой состав депутатов Национальной Рады сильно способствовал росту и распространению Союзов; в то же время направление политики кабинета «народных секретарей» Голубовича (не смешивать с Владимиром Голубовичем, украинским эс-эром), откладывавшей дело земельной реформы и упорядочения избирательной системы до бесконечности, укрепляло процесс классового расслоения. Поддерживали его, вопреки собственной воле, своими выступлениями против земельной реформы и галицкие радикалы; напомним хотя бы речи Льва Бачинского и Назарука, которые вызывали не раз противоположный эффект в массах.

В первом номере газеты «Республиканец» мы находим программную статью—обращение инициативной группы или организационного комитета ярко революционного содержания [мы приводим ее целиком в примечании] [2]), подписан-

[1]) Темницкий после второй сессии Национальной Рады выехал в Париж, в качестве товарища министра иностранных дел, а Осип Беспалко стал министром труда в кабинете Директории. На эту же должность он был впоследствии вторично назначен уже во время похода поляков на Киев, в так называемом «Винницком кабинете» Прокоповича в 1920 г.

[2]) Статья из газеты «Республиканец» № 1, от 1 января 1919 г., под заглавием: «Крестьянско-Рабочий Союз».

«В об'единении и организации заключается сила и благо народа и государства. Из этого русла должна вытечь струя, которой суждено оживить и оздоровить национальный организм, установить справедливость и порядок в государстве, гарантировать благоденствие его гражданам. В целях организации рабоче-крестьянской массы образовался в Станиславове, как теперешнем центре политической жизни, Рабоче-Крестьянский Союз. Из Станиславовского уезда он должен распространиться на всю Украину, как союз всех рабоче-крестьянских организаций всей страны. Союз отстаивает немедленное и действительное

ное, главным образом, железнодорожниками, организованными в Станиславовской группе, известными членами У. С.-Д. Р. П.

Этот призыв к организации имел свои реальные последствия. Мы увидим ниже, как Рабоче-Крестьянские Союзы охватили почти все крупные центры Галиции и пользовались огромной симпатией среди широких кругов трудового населения страны.

Первую редакционную тройку газеты «Республиканец» составили т.т. Евстахий Олиярник, Дмитрий Демьянчук и Владимир Гадзинский [1]).

об'единение всех украинских земель в демократическую республику. Он добивается украинизации всей государственной администрации, школ и законодательных учреждений. Союз твердо стоит на той точке зрения, что земля принадлежит крестьянам, а фабрика—рабочим.

Рабочий день должен продолжаться 8 часов, и заработная плата должна дать рабочему возможность человеческой жизни.

В украинском государстве власть должна находиться не в руках одного класса, а—равноправных граждан.

Это—руководящие мысли, которые во время мировой войны стали государственной необходимостью, и в настоящее время, когда решается судьба украинского народа, мы зовем всех вас, крестьяне и рабочие, к об'единению и организации, ибо в них—наша сила и будущность.

Каждая рабоче-крестьянская организация должна вступить в союз для того, чтобы он объединил весь рабоче-крестьянский мир и приобрел политическое влияние, соответствующее численности наших рабоче-крестьянских масс.

Союз состоит из рабочих и крестьянских организаций (по 2 делегата от каждой), которые должны платить в центральную кассу взносы, определяемые правлением данной организации.

Союз издает свой орган, расходы которого покрываются из фонда прессы, образуемого из акций, стоимостью каждая в 20 крон.

За Правление Крестьянско-Рабочего Союза:

1) Дмитрий Демьянчук, председатель; 2) Евстафий Олиярник (заместитель председателя); 3) Федор Чернявский (казначей); 4) Иван Кабаровский; 5) Василий Бриндзей; 6) Иван Орищук.

Адрес союза: Станиславов, Сапижинская улица, № 23.

[1]) Владимир Гадзинский подписал только три первых номера. Дальнейшие номера подписывали т.т. Осип Устиянович и Дмитрий Демьянчук.

В редакционной статье от того же числа было сказано, между прочим, следующее:

«Только настоящая великая эпоха революции дает волю общественным классом, и только такой порядок будет в состоянии удержаться, который установит равновесие.

Революция принесла свободу Украине, пусть она будет революционна во имя равноправия человека, в отношении к государству» [1]). Насколько ясной была социальная и национальная программа Союза, видно из дальнейших статей в первом № газеты «Республиканец», в которых говорится, между прочим, следующее:

«Мы хотим об'единения всех украинских земель, хотим единой Украины»; «мы хотим уничтожения крупной земельной собственности и установления законом минимума владения» (см. там же статью «Современный момент и украинское крестьянство»).

Там же мы читаем:

«Украинский крестьянин должен быть живым членом народа и принимать живое участие во всех государственных делах. Не одни интеллигенты должны решать. Участие в государственной работе должны принимать и крестьянин и рабочий».

В революционном движении и развитии идей, которые поддерживали и укрепляли сильное развитие Рабоче-Крестьянских Союзов, важную роль сыграло товарищество «Молодая Громада» в Станиславове, в котором были организованы лекции и дискуссии на тему дня; на них, кроме «левых», приходили также наиболее видные политики национально-демократической и радикальной партии. В этом товариществе велась кампания за то, чтобы об'единение всех земель Украины поставить первым пунктом порядка дня первого заседания, т.-е. торжественного открытия Национальной Рады 3 января 1919 года в Станиславове, а также выставлялось требование безотлагательно провозгласить манифест (декларацию) относительно земельной реформы и рабочих требований. Все эти голоса были голосами вопиющих в пустыне.

[1]) Газета «Республиканец», от 1 января 1919 г., передовица: «От редакции».

Никакая агитация и никакие аргументы не могли переубедить руководителей национальной демократии, а также радикалов, вроде Льва Бачинского, Ивана Макуха и др., что земельный вопрос ждать не может, что уклон налево является жизненной необходимостью. При таком революционном настроении масс и контр-революционных тенденциях подавляющего большинства «депутатов» и политических кругов открылась Национальная Рада, это «учредительное собрание» галицкой Украины, этот законодательный орган, который остается памятником бездушия и политической бездарности украинских мещанских партий и интеллигенции.

Я сознательно пишу об этом столь резко и без обиняков. Пусть сегодня, по прошествии 5 лет, здравомыслящий человек скажет: «Разве не вели политики банкротства украинской буржуазной государственности эти политики, эти корифеи украинской политической мысли, «народные заступники»?

Они, эти Петрушевичи, Голубовичи, Бачинские, Витики, Беспалки и др., они имели за собою массы, которые им верили. Обнаружили ли они честное политическое направление и характер?

Мы ставим вопрос ребром:

Хотели они действительно передать помещичью землю крестьянам, фабрики и заводы — рабочим?

— Не хотели!

Они советовали массам ждать мирного времени, прикрываясь красивыми словами, они с фарисейской хитростью тайком выпрашивали ласки у Антанты и западно-европейского капитала.

Еще один факт не будет забыт и навеки сохранится в истории:

Украинские патриоты, народные трибуны и вожди сознательно шли против освобождения народных, рабоче-крестьянских масс, против освобождения рабочего класса вообще.

История судила украинской мелкой буржуазии, мещанству по обоим берегам Збруча, сыграть одну и ту же предательскую роль: на Великой Украине—в больших размерах, в Галиции—в миниатюре.

Здесь чрезвычайно ярко сказалось все фарисейство мещанского национализма, вся его лживая бесхарактерность.

В это время организация Рабоче-Крестьянских Союзов об'единяет в своих рядах все революционные силы рабочих и крестьян и безусловно представляет собой, на-ряду с еженедельником «Республиканец», главные формы массового революционного движения рабочего класса и крестьянства галицкой Украины.

Напоминаю в интересах истории некоторые моменты открытия и заседаний первой сессии Украинской Национальной Рады в Станиславове в первых числах января 1919 года.

Торжественное открытие состоялось 3 января 1919 года.

Массы чувствовали и понимали наступление капитала. Они понимали его, как наступление поляков с помощью Франции. Они понимали, что этот клочок земли с нефтью, солью, парафином, поташом не устоит без помощи с востока, со стороны русско-украинской революции.

Они хотели об'единения обеих частей Украины. Крестьянство чувствовало, что землю необходимо брать, рабочие—что власть в руках классовых врагов, а политики молчали...

Вся политическая жизнь ждала момента открытия Национальной Рады. В порядок дня ее торжественного открытия не было поставлено ни одного программного вопроса: ни земельного, ни рабочего законодательства, ни избирательного закона, хотя бы ради декларативных, агитационных целей. Даже дело об'единения Галиции с приднепровской Украиной не попало в число первых пунктов, а только на седьмое место в порядке дня, и только под давлением масс,—прямо-таки галлереи и улиц, наполненных рабочими и крестьянами,—«Высокая Рада» соизволила переставить этот вопрос из седьмого пункта в третий!..

Массы ожидали торжественной и мощной манифестации, которая была бы залогом их лучшего будущего, ожидали революционного провозглашения нового порядка, который они могли бы назвать своим, а Национальная Рада молчала,

не вспоминала ни словом об основных вопросах их жизни и в области национальных требований дала им род договора Западной области У. Н. Р. с «Великой» У. Н. Р., оставляя военный кордон и стражу на границе — Збруче...

Момент открытия первой сессии Национальной Рады ознаменован, помимо этого беспринципного и бездарного постановления, еще некоторыми смешными, а также, можно сказать, печальными инцидентами. При выборах в президиум необходимо было соблюсти декорум демократизма, потому что председателями этого высокого законодательного органа не могли быть исключительно адвокаты и доктора. Поэтому от крестьян и рабочих были избраны в президиум бывший депутат австрийского парламента нац.-демократ Тимок Старух, а от бывших с.-д.—Семен Витик. И бывший революционер, вождь бориславского пролетариата, один из наилучших вообще агитаторов, известный рабочий трибун и крестьянский демагог Семен Витик стал оружием в руках мелкой буржуазии, которая его личностью прикрывала все свое «черносотенство», скрытый консерватизм и реакционность.

И программная речь Семена Витика на торжественном открытии Национальной Рады была бессодержательной путаницей революционных фраз, она не дала массам ничего, кроме разочарования, и только национал-демократы вкупе с попами и радикалами рукоплескали ему и кричали «браво».

Национальная идиллия сыграла свою фарисейскую роль!..

Около того же времени начинаются некоторые административные репрессии против действий рабоче-крестьянских союзов и особенно газеты «Республиканец».

1) Второй его номер, вышедший после первой сессии Национальной Рады, 11 января 1919 г., подвергся конфискации со стороны станиславовской цензуры за нижеуказанную статью [1]).

---

[1]) Приводим из 2-го номера газеты «Республиканец» от 11 января 1919 г. статью «После с'езда Национальной Рады (из рабочих кругов)».

«Насколько важным является понимание момента и духа времени в политике, доказывают все революционные законодательные органы. Украинская Национальная Рада не стояла на высоте своей задачи. Она не провозгласила декларации относительно земельной реформы, она не знала соответствующей позиции в отношении рабочих требований.

С этой статейкой случилась смешная история.

После конфискации газеты в Станиславове она была послана в Коломыю и напечатана без цензуры («фуксом») в газете «Січовий Голос», в № 3 от 19 февраля 1919 года, органе коломыйской организации Рабоче-Крестьянского Союза.

2) Меня, как военнообязанного, выслали из Станиславова на фронт 14 января 1919 г., на самый новый год, так что я успел выпустить только три номера газеты «Республиканец».

Четвертый № газеты «Республиканец» вышел за подписью т. Дмитрия Демьянчука, и с этого времени он выходил вплоть до отступления на Збруч и приднепровскую Украину; в июне 1919 г. Насколько припомню, несколько номеров вышло еще в Каменце-Подольске, но точно не знаю, сколько.

Помимо двух этих ярких фактов, администрация по всей стране создавала затруднения организация Рабоче-Крестьян-

---

Украинская Национальная Рада не провозгласила ни одного революционного демократического лозунга, а некоторые выступления и дискуссия по вопросу об объединении служат доказательством, что национальные воззрения Рады были неясны. Наши правящие круги должны глубоко призадуматься над направлением своей политической программы. За методами политики украинской национальной демократии широкие массы не пойдут.

Националистическими лозунгами нельзя их удержать надолго. Украинскую политику на территории старой Галиции необходимо оживить революционными лозунгами. Политические круги не смеют бояться земельной реформы, вроде конфискации крупной земельной собственности. Если украинские политические круги не добудут новой живой, революционной политической силы, то зашатается в их руках и тот остаток власти, которой они еще обладают над широкими массами.

Национальная Рада должна порвать с теориями старой австрийской политики «заплат» и должна опереться на какие-то принципы. Пора покончить с оппортунизмом старой венской политики, которая и без того потерпела жестокое крушение.

Пора обратиться к народу с живым словом искренних демократических лозунгов. Пора вызвать к жизни широкие народные массы.

Украинская Национальная Рада не смеет быть фабрикой мертвых параграфов, она должна высекать огонь из масс, должна заговорить с ними свободным, вольным языком, должна дать народу то, что дает всякая революция: линию национального развития и огонь, который согревал бы целые поколения.

Мертвые параграфы законов и без того продиктует воля и желания народа». *В. Г.*

ских союзов, где только можно было и удавалось уничтожала газету «Республиканец». Но этими репрессиями начатая работа не была задавлена.

В это же время, в половине января 1919 г., в кругах Рабоче-Крестьянского Союза выяснилась необходимость немедленного созыва Рабоче-крестьянского трудового с'езда, для подготовки которого необходимо было закончить организацию союзов на местах и выполнить работу в центре.

Кроме того, в это же время в Станиславов прибыло отделение «Центрального информационного бюро» при Директории, которая в действительности помогала деньгами организации Рабоче-Крестьянских Союзов, будучи тайной большевистской организацией, и втихомолку вела свою подпольную агитацию. Заведывали отделением т.т. Саврич-Максимович, Гуцайлюк, Яловий и др., и через них Союз имел связи с революцией на Украине. Что касается успехов работы Союза по расслоению других партий, то ему надо приписать заслугу удачного раскола фракции радикалов Национальной Рады, процесс которого я не берусь теперь анализировать, но который, по моему мнению, является ясным признаком откола от мещанской партии левых элементов, приобретавших пролетарское сознание с развитием революции в России, на Украине, в Галиции и Буковине.

Репрессии и затруднения не могли задержать начатого движения—развития революционных настроений городского и сельского пролетариата.

Так, напр., 16 февраля 1919 г. состоялся уездный с'езд Рабоче-Крестьянского Союза Станиславщины в Станиславове, под председательством Осипа Устияновича и с политическим докладом Осипа Беспалка.

От центрального информационного бюро приветствовал с'езд т. Саврич-Максимович. Интересны резолюции этого совещания, которые привожу в примечании и редакция которых принадлежит Осипу Беспалку [1]).

---

[1]) Резолюции с'езда уполномоченных Рабоче-Крестьянского Союза Станиславовского уезда, состоявшегося в Станиславове 16 февраля 1919 года:

«Принимая во внимание настоящее положение внутри государства и за границей, с'езд уполномоченных Станиславовского уезда признает:

Необходимо также отметить и подчеркнуть, что за это время, с декабря 1918 до марта 1919 г., силы пролетариата Восточной Галиции выросли. Происходила интенсивная организация профессиональных союзов; помимо сильной профессиональной организации железнодорожников начали организовываться рабочие нефтяных и соляных промыслов, табачных фабрик и лесопромышленные, так что Рабоче-Крестьянский Союз не только располагал уже агитационными силами и средствами, но и становился видной организацией пролетариата города и деревни с реальной силой в политической борьбе.

Лозунг этой борьбы в классовом ее понимании был брошен в массы, которые понимали ее необходимость стихийно, под влиянием российской революции; теперь необходимо было дать ей решительность, планомерность и провозглашением рабоче-крестьянской власти связать русско-украинскую и венгерскую революции. Этого не знали (а может быть и со-

---

1) В виду того, что социалистический переворот есть длительный процесс, который может быть проведен только организованным и сознательным пролетариатом и с помощью революционной демократии вообще, съезд уполномоченных признает, что в настоящий начальный момент социалистической революции власть в центре и на местах должна быть такой, которая могла бы всецело обеспечить свободное развитие демократии. С'езд высказывается за немедленный созыв Учредительного Собрания из представителей крестьянства, рабочих и трудовой интеллигенции, как правящего органа на территории Галиции, Буковины и Угорщины.

Центральная власть принадлежит директории, работа которой должна быть направлена на закрепление завоеваний революции и на немедленное проведение ряда реформ в направлении начального социалистического переустройства. Съезд высказывается за немедленное проведение выборов уездных, городских и общинных комиссаров.

2) С'езд полагает, что в настоящий переходный момент, больше, чем когда-либо, необходима мощная организованность крестьянства и рабочего класса для осуществления этих великих задач, стоящих перед пролетариатом Украины, в направлении подготовки социалистических реформ.

В целях приближения и скорейшей подготовки основ для переустройства Украинской Народной Республики в социалистическую, задачами Крестьянско-Рабочего Союза является:

а) уничтожение всех остатков шляхетско-бюрократического режима во всех его проявлениях, и в первую очередь немедленное и решител.

значительно не хотели) тогдашние вожди и депутаты Национальной Рады, вожаки рабочего класса Витик, Беспалко, Темницкий и др. [1]) и таким образом уничтожили возможность классового переворота в Галиции.

Как мы увидим в следующей главе, они в момент Рабоче-крестьянского трудового с'езда, в марте 1919 года, вступили в открытый союз с буржуазией, приняв отмеченную социал-предательскую линию, и стали причиной того, что, предоставленная собственным силам, революция в Венгрии не связалась технически с Россией, не получила помощи с Востока и потерпела кровавую неудачу. Она была ликвидирована жестокими мерами генерала Хорти, и с ее разгромом исчезла надежда на немедленный взрыв революции в западной Европе.

Этот момент не был еще проанализирован в истории революции, а между тем, им не только была решена участь галицкого пролетариата и крестьянства, но и задержано развитие

ное очищение административного аппарата от противогосударственных элементов;

б) немедленное осуществление всех реформ, немедленное проведение земельной и фабричной реформы и удовлетворение требований трудовых классов;

в) немедленное проведение финансовых реформ в направлении переложения тягостей на имущие классы.

3) Познакомившись с реакцией, вследствие завоевательной политики Российской Советской власти и гетманства, которую пережил трудовой народ на Приднепровской Украине, организованное крестьянство и рабочий класс в час грозной опасности для самостоятельности Украины и социалистического порядка будет всеми силами бороться с враждебными реакционными нападениями как чужеземных держав, так и внутренних врагов».

Пояснение: Текст настоящей резолюции следует отнести не на счет Рабоче-Крестьянских Союзов, но на счет ее автора Осипа Беспалка, который желал выпрямить политическую линию союза в социал-предательском направлении. Принятие резолюции собранием было доказательством особого доверия массы к нему, а не проявлением общего настроения. Беспалка тогда еще верили.

[1]) Быть может также, вследствие войны и политического положения внутри страны (каждый поляк и польский дом был ячейкой восстания против украинцев и местом разведки. Всякий раздор в украинском лагере мог уже тогда окончиться захватом власти поляками).

социалистической революции на годы, если не на десятилетия.

Об этих интересных событиях мы подробнее расскажем впоследствии, теперь же перейдем к самому красивому моменту в истории революционного движения рабочего пролетариата и крестьянства Восточной Галиции, к единственному светлому моменту в часы украинской буржуазной власти: к могучему и сильному проявлению пролетарской солидарности рабочего класса и крестьянства, к Рабоче-крестьянскому трудовому с'езду 30—31 марта 1919 года.

ГЛАВА VI.

Рабоче-крестьянский трудовой с'езд и его значение в истории революционного движения в Восточной Галиции в 1919 году.

Когда будущие историки и исследователи пролетарской революции будут анализировать события и людей, начиная с 1917 года, а также с начала мировой войны 1914 года, и будут рассматривать все препятствия и затруднения на пути ее развития, то они, по всей вероятности, придут к окончательному заключению следующего содержания:

Не организованная сила буржуазии, не ее политическая и военная техника, не бессознательность и отсталость рабоче-крестьянских масс, а также оппортунизм мещанства были главными причинами неудачи распространения классового переворота на Европу в 1918, 1919 и 1920 г.г.

Причиной этой неудачи был как раз тот элемент, который был вырощен силой рабочего класса и благодаря его энергии приобрел перед войной политическое влияние, принадлежавшее бывшим социал-демократическим вождям, которые вполне заслуженно получили от пролетарской революции позорное название: «социал-предателей».

И когда история революции запишет на своих страницах подвиги и предательскую роль германских, французских, бельгийских, а также всяких иных социал-предателей, которые шли вместе с буржуазией, в качестве членов буржуазных правительств, против сознательных и бессознательных движений рабочего класса; когда имена Носке, Вандервельде и др. станут примерами того, «какими не должны быть» вожди пролетариата, и оставят нам в истории революции тип Иуды Искариота (их много было в последние годы

революции), тогда небольшая страна—Восточная Галиция—явится чрезвычайно характерным примером сознательного социал-предательства, прямой классовой измены бывших социал-демократических рабочих вождей.

Приводить ли здесь имена вождей галицийских польских социал-демократов Дашинского, Морачевского [1]), Диаманда, Гудеца и др.?

Это было на польской стороне, и не входит в план нашей работы, потому что в 1918 и 1919 г.г. галицкое рабочее движение было настолько сильно и глубоко разрезано украинско-польским фронтом, настолько были уничтожены все связи между пролетариатом воюющих народов, что в это время можно писать лишь об украинском революционном движении на украинской стороне фронта и о польском—на другой стороне.

Наша работа относится к украинской стороне фронта, но и эту сторону можно назвать стороной социал-предательства бывших вождей У. С.-Д. Р. П.

В момент перелома рабочего движения под влиянием русско-украинской революции ни один вождь, ни один бывший лидер У. С.-Д. Р. П. Восточной Галиции не «постригся» в большевики, не принял программы классовой борьбы, которая была точно определена Октябрьским переворотом.

Начиная с М. Ганкевича и С. Витика, старейших и наиболее влиятельных пионеров рабочего движения в Восточной Галиции, переходя к таким чистым идейным типам, как А. Шмигельский, и к политическим карьеристам и буржуазным министрам О. Беспалке и В. Темницкому,—все они остались по ту сторону, против революции, в услужении буржуазии, при лозунгах каутскианокой демократии, освятившей социал-предательство силой учености и партийного авторитета.

Я сознательно должен был начать эту часть нашей работы предисловием в честь социал-демократизма и его предательства.

---

[1]) Инженер Морачевский—председатель совета министров первого польского кабинета по распаде германского и австрийского империализма.

Я должен был это сделать, как мы увидим впоследствии, на основании фактов и документов; только социал-предательство, только эта «гангрена на теле рабочего класса»—измена партийных верхов—провалила развитие, успех и победу революционного движения восточно-галицкого пролетариата, подорвала его порыв во время Рабоче-крестьянского с'езда, увела его, по словам О. Беспалка, «на парламентскую дорогу» [1]) или иными словами:

«При активном участии рабочих вождей О. Беспалка и В. Темницкого—ликвидировала этот революционный момент, достигла того, что Рабоче-крестьянский с'езд остался лишь бесплодной вспышкой, манифестацией, памятником революционного движения восточно-галицийского пролетариата и крестьянства, вместо того, чтобы стать историческим событием, которое должно было начать революцию в Восточной Галиции, в ее походе на запад Европы, и новую эпоху в жизни рабоче-крестьянских масс без различия национальностей.

Рабоче-крестьянский с'езд был созван областным комитетом—Управлением Рабоче-Крестьянских Союзов,—в приблизительном составе лиц, подписавшихся на воззвании в № 1 газеты «Республиканец» (см. прим. № 2, стр. 42), на 30 и 31 марта 1919 года (см. приложение № 1); главную организационную и подготовительную работу для него выполнили т.т. Дмитрий Демьянчук и Осип Устиянович.

С'езд был созван, как первая массовая манифестация недовольных национальной властью элементов, которым она не давала ничего, кроме пустых слов и обещаний; с'езд был первым смотром сил революционного рабочего класса и крестьянства, которые уже достаточно убедились в том, что все

[1]) Выдержка из речи О. Беспалка на заседании Национальной Рады в Станиславове 1 апреля 1919 года, по сообщению в газете «Республика», № 52, от 3 апреля:

«На Рабоче-Крестьянском с'езде серьезным лицам (курсив наш) удалось вывести на парламентскую и легальную дорогу те элементы, которые стремились вызвать революцию в Галиции. Это должны принять во внимание члены Рады».

Эта речь была произнесена при обсуждении вопроса о принятии Радой в число своих членов 61 делегата Рабоче-крестьянского с'езда. Об этих событиях будет подробно рассказано ниже. См. Приложение № 7. Правильно — в конце книги. *Примечание автора.*

остается по-старому и чуяли классовым инстинктом, что необходимо отказаться от совместной работы с буржуазией, интеллигенцией, мещанством, попами, что это приводит к полной ликвидации всего добытого благодаря крушению Австрийской империи.

Была ли у с'езда разработанная программа, точно обдуманное направление работы, сознание ее цели и тактики?

Этот вопрос возникает с беспощадной логической силой в наши дни, когда прошло уже три года, когда можно более или менее спокойно произвести анализ и подытожить данный исторический период. Должен ли он был стать обычным «вечем» (митингом), как его хотели назвать мещанские партии, по примеру лидера «петрушевичевской» реакции и черносотенства, радикала (!), известного д-ра О. Назарука?

Несомненно, что задолго перед с'ездом в мещанских партиях, а также в армии, на фронте и в тылу шли о нем разговоры, от него ожидали какого-то неопределенного, но быстрого улучшения отношений, какой-то великой перемены, которую массы бессознательно предчувствовали и к которой стремились классовым инстинктом. А с момента открытия с'езда (и даже приближения его) распространились твердые надежды на государственный переворот, хотя очень трудно было узнать, какова была причина, и где родились все эти слухи и вести.

По поводу его, уже позднее, газета «Республика» (нац.-дем. официоз), в № 54, от 5 апреля 1919 года, писала в статье «По поводу Рабоче-крестьянского с'езда» следующее:

«Еще задолго до с'езда велась по всей стране усиленная агитация против Национальной Рады и Державного Секретариата. На с'езд были созваны крестьяне с целью разогнать Национальную Раду и Державный Секретариат, как врагов народных масс»... «...участникам с'езда вбивали в голову и внушали на все лады, что единственные их враги—это Национальная Рада и Державный Секретариат».

В связи с этими настроениями, вестями и агитацией появились в Москве 25 марта 1919 г. известные радио-телеграммы о большевистском перевороте в Восточной Галиции, которые нашли себе отклик в № 55 газеты «Республика» от 6 апреля 1919 г. в статье «На чью мельницу вода».

Статья констатирует, что большевистское московское радио от 26 марта 1919 г. говорит об аресте Державного Секретариата и его главы Голубовича, что армия не хочет повиноваться национальным буржуазным патриотам, что наступил большевистский переворот. Автор предостерегает круги из газеты «Республиканец» от осуществления московских радио [1]).

В той же статье напечатаны следующие строки, довольно любопытные для всего периода времени, связанного со с'ездом:

«Чтобы парализовать российские и польские выступления против признания украинской государственности, нам необходимо безотлагательно добиться в международной политике признания и обеспечения Украинского государства, еще до наступления того момента, когда Антанта помирится с Советской Россией, для того, чтобы мы в этот момент могли выступить и против Польши и против России, как международно-признанный самостоятельный государственный фактор.

Пусть подумают обо всем этом те элементы, которые, пользуясь тяжелым положением нашего народа, бросали в его среду перед Рабоче-крестьянским с'ездом и на самом с'езде лозунги, которые, если бы они начали осуществляться, вызвали бы впечатление, что в нашем государстве действительно исполняются фантазии московской радио-телеграммы от 25 марта».

Можно ли дать ответ, проследив эти настроения и информации, на поставленный выше вопрос об определенной программе работы и плане Рабоче-крестьянского с'езда?

Я глубоко убежден, что не введу в заблуждение читателя настоящей работы, если скажу следующее:

В указанное время Рабоче-крестьянского с'езда стремление к перевороту имелось и в массах, и в сознательных еди-

---

[1]) Вот выдержка из названной статьи: «Как видно из статей газеты «Республиканец» и из постановлений съезда, эти элементы (речь идет о тех, кто хотел послушаться московского радио.—*Прим. автора*) имеют совершенно неверное понятие об отношении Советской власти к Украине. Они приняли на съезде две резолюции: одну—с приглашением Советской власти прекратить войну с Украиной, другую—съезд желает войти в тесные сношения с украинским правительством т. Раковского и посылает с этой целью трех представителей в Киев».

ницах рабочего класса. С'езд должен был быть только декорацией. Стремления к перевороту не было только у партийных вождей У.С.-Д.Р.П.

Они боялись, они не чувствовали в себе ни силы, ни смелости к активному выступлению!

Это не были страх или осторожность из опасения национальной катастрофы, это не была холодная осторожность предусмотрительного политика, который знает и чувствует, что не пришло еще время вооруженного выступления. Это был типичный образ действий социал-предательских партийных верхов...

Мы можем уже в первых известиях о Рабоче-крестьянском с'езде установить этот простой и в настоящее время всеми понятый факт:

При всей сознательности и революционном настроении одной части рабочего класса, а также малоземельного и безземельного крестьянства, принимающих участие в с'езде, под влиянием русско-украинской революции вожди У.С.-Д.Р.П. Восточной Галиции в лице О. Беспалка и В. Темницкого (а также и С. Витика, хотя он не был на с'езде, о чем будет сказано ниже) не верили в возможность и успех захвата власти пролетариатом и крестьянством, не имели в себе революционной силы и энергии для того, чтобы рискнуть, чтобы бросить на весы революции эту малую, но столь важную галицкую лепту.

Для них программа с'езда была ясна:

С его помощью, силой манифестации укрепить свое политическое значение, выбить у буржуазных вождей восточно-галицкого правительства новые ступеньки из лестницы личной политической карьеры. С'езд должен был запугать мещанские партии, вынудить их к мелким уступкам, его результаты должны были быть выгодны только вождям.

О захвате власти не думали просвещенные марксисты, ученики Каутского, Бернштейна, Адлера (старшего). Мысль о нем шла из низов сознательных рабочих элементов.

Она родилась под влиянием российских событий в кругах Рабоче-Крестьянских Союзов, в этих именно мало влиятельных партийных кругах У.С.-Д.Р.П., которые с самого начала национальной власти не верили (сознательно или бессознательно) в активную и успешную работу социал-демократии. Это было решительное доказательство революционизирования масс, которому роковым образом не соответствовало безнадежное положение У.С.-Д.Р.П. в стране.

Но в этих кругах не было соответствующих людей с теоретической и практической подготовкой, которые могли бы противопоставить себя тенденциям партийных верхов и традиционному личному влиянию Витика, Беспалка, Темницкого.

Трех главных работников Рабоче-Крестьянских Союзов [1]), т.т. Демьянчука, Устияновича и Гадзинского (последний на фронте под Львовом с 14/I — 1919 г.), было слишком мало, чтобы даже при сильно напряженной социальной обстановке подорвать линию партийных верхов и быть в состоянии провести против их воли на заседании Исполнительного Комитета У.С.-Д.Р.П. (партийного совета) постановление о захвате власти и государственном перевороте.

Обстановку и настроение левых групп У.С.-Д.Р.П. и Рабоче-Крестьянских Союзов можно резюмировать следующим образом:

С одной стороны, довольно сильная революционная энергия Рабоче-Крестьянских Союзов и небольшая группа сознательных людей, с тремя вождями, не имевшими широкополитического влияния и практического опыта, которые и без того уже за это короткое время подверглись репрессиям национальной власти, а с другой—два бывшие депутата австрийского парламента Витик и Беспалко, люди с крупными заслугами в рабочем движении Галиции и Буковины, и их друг, партийный карьерист В. Темницкий.

[1]) Я был с 1914 года (с начала войны) при армии, будучи перебрасываем с фронта на фронт, т. Демьянчук недавно приехал из Америки, а т. О. Устиянович вообще недавно начал выплывать на широкую политическую арену, хотя и пользовался значительной популярностью среди железнодорожников.

Если бы кто-нибудь уже тогда мог беспристрастно вдуматься в политическое положение, создавшееся перед с'ездом, то ему не трудно было бы притти к убеждению, что переворота не будет, что массы пойдут за своими старыми партийными лидерами, забывая или не обращая внимания на их союз с родной буржуазией.

С того момента, когда с'езд под влиянием социал-предателей не пошел по пути социального переворота и рабочей диктатуры, а после речей О. Беспалка пошел «парламентской дорогой «серьезных политиков», заканчивается первый фазис революционного движения в Восточной Галиции, которое в следующем периоде закончилось победой и жестокими насилиями поляков и отступлением за Збруч украинской галицкой армии.

Из первой части нашей работы и предыдущей главы видно, что Рабоче-крестьянский с'езд 30—31 марта 1919 г. был поворотным пунктом в процессе революционного самосознания рабочего класса и беднейшего крестьянства Восточной Галиции, происходившем под влиянием политических событий:

1) русско-украинской революции на территории бывшей царской России;

2) перехода власти в Восточной Галиции из австро-польских в украинские руки.

Эти слова необходимо понимать следующим образом:

С'езд был моментом политического кризиса, он мог окончиться: 1) переходом власти в стране в рабочие руки, т.-е. образованием рабоче-крестьянского правительства, тогда он был бы положительным явлением в смысле политического успеха и значения для революции в России и Венгрии, или 2) он мог окончиться без политических перемен, и тогда его последствия должны были быть отрицательны в смысле политической неудачи и вытекающих из нее недоверия и деморализации внутри рабочего класса в данный момент.

История судила восточно-галицкому пролетариату и крестьянству пережить как раз эту вторую возможность, и теперь ясно, почему с'езд является моментом глубокого кризиса в истории рабочего движения Восточной Галиции.

С'езд был, принимая во внимание миниатюрные галицкие отношения, чрезвычайно многочисленным; приехали представители почти всех 32 восточно-галицких уездов, а легитимаций-мандатов для уполномоченных представителей было выдано свыше 1.000 (около 1.200). Это было сообщено мандатной комиссией. Кто знаком с галицкими условиями, тот поймет, что такое число уполномоченных делегатов было чрезвычайно велико (по моему мнению, столь многочисленного с'езда делегатов в Восточной Галиции до настоящего времени не было), и это является лишь доказательством заинтересованности широких масс и их политической неудовлетворенности.

Самому с'езду предшествовала партийная конференция У.С.-Д.Р.П. 28—29 марта 1919 г., которая безусловно имела значение и влияние на будущую позицию О. Беспалка и В. Темницкого на самом с'езде [см. приложение № 2 и примечание [1]].

Эта связь между с'ездом и партийной конференцией У.С.-Д.Р.П. настолько важна, что ее необходимо расследовать в другом месте в особенности лицам, принимавшим непосредственное участие и в конференции, и на с'езде.

---

[1]) В интересах ясности, прибавлю еще несколько частных замечаний.

На первый взгляд кажется неимеющим значения то обстоятельство, что партийная конференция У.С.-Д.Р.П. состоялась как раз перед самым открытием с'езда. Однакоже это имело свои основные причины и последствия, которые мы постараемся здесь выяснить. Я уже подчеркивал, что Рабоче-Крестьянские Союзы были противовесом, можно сказать, «конкуренцией» для существующей в это время организации У.С.-Д.Р.П. Когда союзы начали сильно развиваться, когда они стали втягивать в себя все, лучшие революционные элементы рабочего класса и крестьянства, то, разумеется, эти «политические реальности» не понравились официальным вождям У.С.-Д.Р.П. С. Витику, О. Беспалку и др., которые сами были причиной безнадежного положения социал-демократической партии. Против Союзов они выступать не могли, так как это был по большей части их операционный материал, с другой стороны, Союзы должны были искать у них опыта и помощи, тем более, что все мы, работники Союзов, считались социал-демократами. В общем отношении У.С.-Д.Р.П. и Рабоче-Крестьянских Союзов были сильно запутаны: как будто бы это было одно и то же, а на самом деле нет. У.С.-Д.Р.П. выпускала

Я думаю, что среди протоколов конференции нашлось бы постановление, которым поручается Исполнительному Комитету партии принимать активное участие в рабоче-крестьянском с'езде; неизвестно, однако, были ли директивы относительно тактики на нем таковы, как их проводил на практике О. Беспалко... Возможно, что, принимая во внимание его особую влиятельность на конференции, усиленную отсутствием тов. М. Витика, он провел ее так, как это видно из нашей работы. Во всяком случае история должна записать ее в большей мере на личный счет тов. О. Беспалка, как члена У. С.-Д. Р. П., чем партии в целом.

Что касается социального состава с'езда, то процент рабочих и крестьян по статистическим данным неизвестен, однако без большой ошибки можно принять для рабочих—25%, для крестьян—75%. Это доказывает также процент избранных с'ездом делегатов для пополнения Национальной Рады. Здесь мы находим такие числа: 16—от рабочих, 45—от крестьян, т.-е. приблизительно 25 и 75%. Крестьянство было исключительно малоземельное и безземельное, и только небольшое число, более зажиточных, так называемых «ду-

свою «Борьбу» или «Волю» в Коломые, а «Республиканец» безусловно не был ее органом, хотя деньги на него давали железнодорожники, в большинстве известные и старые члены У.С.-Д.Р.П. Эти неясные отношения должна была упорядочить партийная конференция, как это видно из ее 12 пункта порядка дня. (См. приложение № 2.) С. Витика на конференции не было, и я также приехал в Станиславов на с'езд после ее окончания. Поэтому я не знаю, что было на ней решено, а во время самого с'езда расспрашивать было уже невозможно. Остается фактом, что исполнительный комитет У.С.-Д.Р.П. в лице Беспалка, Темницкого, Крутия принимал активное участие в с'езде. Теперь легко понять, что эти неясные отношения между У.С.-Д.Р.П. и Рабоче-Крестьянскими Союзами были началом раздвоения левых и правых элементов в недрах социал-демократической партии, но тогда мы этого процесса не понимали. Его можно было почувствовать в ослаблении товарищеских отношений и взаимном недоверии В о в с я к о м с л у ч а е (подчеркиваю это), недоверия было больше со стороны лидеров к нам, чем наоборот, а вожди Рабоче-Крестьянских Союзов не ожидали размеров предательства и его решительности со стороны вождей У.С.-Д.Р.П. в той мере, как это впоследствии оказалось. Что касается моего отношения к партийной конференции, то, как я уже упоминал, я не присутствовал на ней в силу военной службы. Выезд из Ходорова был мне тогда воспрещен самым решительным образом.

ків-куркулів» (кулаков) примазалось в члены с'езда (бывшие радикалы), но они уже на второй день не явились на заседание. Их с'агитировали к себе обратно радикалы, и этим необходимо об'яснить интересную заметку о с'езде в газете «Республика» (№ 52 от 3 апреля 1919 г.), в которой эта мелко-буржуазная рептилия с удовлетворением констатирует, что из представителей 32 уездов, присутствовавших в первый день, на второй день не явились представители 8 уездов.

Программа с'езда была коротка и ясна. Вот пять пунктов его порядка дня:

1) Открытие и выборы президиума.
2) Доклад о политическом положении.
3) Доклад о земельном вопросе.
4) Доклад о рабочем вопросе.
5) Предложения и запросы.

Эти пункты соответствовали потребностям масс. Об'яснить и поставить в соответствующую революционную плоскость земельный вопрос и рабочие требования, об'единить их в единой политической платформе,—этот вопрос смычки деревни и города стоял перед с'ездом во всей широте.

С'езд принял без долгих прений предложенный Областным правлением Рабоче-Крестьянских Союзов президиум в составе: 1) старого члена У.С.-Д.Р.П., но уже не активного — д-ра Р. Яросевича, 2) известного т. Я. Остапчука (с.-д.), В. Гадзинского (с.-д.) [1]) и крестьян 4) Орищука, 5) Грабаря и утвердил предложенный порядок дня.

Я не намерен дать техническое описание с'езда. Я хочу только напомнить важнейшие выступления партийных лидеров и те классовые противоречия и разногласия, с которыми необходимо было считаться в виду смешанного рабоче-крестьянского состава с'езда.

В многочисленных выступлениях рабочие и крестьяне подчеркивали свое недовольство краевой властью. Ни в одной речи не выражалось ей одобрения, хотя участники очень

[1]) Я случайно, без всякого мандата, оказался единственным представителем армии и от ее имени приветствовал С'езд.

хорошо понимали трудное внутреннее и внешнее положение страны, которую мещанские патриоты, на посмешище потомства, назвали «Западной областью У.Н.Р.».

Даю характеристику важнейших выступлений известных политиков, как-то: О. Беспалка, д-ра А. Крушельницкого, д-ра О. Назарука и т. Я. Остапчука.

Доклад Беспалка был резким выпадом против правительства Голубовича и Национальной Рады; но в то же время он решительно выступал против политики «на большевистскую ориентацию», т.-е. «против союза с большевиками», а предлагал ориентироваться на Великую Украину и в крайнем случае на ее советское правительство Х. Раковского.

В моих записках и материалах как раз не сохранился точный текст резолюции, принятой на основании его доклада, но она не отличалась от основного содержания его резолюции, приведенной в прим. № 1, стр. 49, 50 и 51.

Тенденция Беспалка состояла, как я не раз уже указывал, всецело в том, чтобы стать грозным с помощью с'езда, и добиться некоторых политических уступок. Он согласился только, под напором общего желания с'езда, на предложение избрать некоторое число участников с'езда делегатами в Национальную Раду для пополнения ее представителями от рабочих, а также малоземельных и безземельных крестьян.

Мещанские политики Национальной Рады и правительство Голубовича были сильно смущены и терроризованы создавшимся в это время положением в крае. Сила и численность демонстрации превзошли всякие ожидания. При таком настроении политика Беспалка носила характер очень ловкой игры: он официально весьма решительно выступал на с'езде и в Национальной Раде против правительства, но когда приходилось подумать или говорить о захвате власти, то убеждал, что у с.-д. партии и у Рабоче-Крестьянских Союзов нет достаточных сил, чтобы взять в свои руки власть и полную ответственность за судьбу страны.

Равным образом, уже тогда, будучи членом Национальной Рады, он являлся посредником между этой последней и с'ездом, а ранее — Областным управлением Рабоче-Крестьянских Союзов и взял в свои руки все нити во взаимоотношениях

между правительством Голубовича и с'ездом, а позднее—его делегатами.

Со стороны Национальной Рады, а может быть, точнее, ее председателя д-ра Е. Петрушевича и главы народного секретариата Голубовича, была сделана попытка сорвать или разогнать с'езд.

Они послали свою «тяжелую артиллерию»,—вечного кандидата в народные трибуны—д-ра О. Назарука [1]) для того, чтобы он своим красноречием и популярностью расколол с'езд и увел бы оттуда большую часть крестьян, которые все имели связи или были членами радикальной партии.

О выступлении, быть может, историческом, этого «радикала» национал-демократический официоз «Республика» писала следующее: «Наибольший успех из всех ораторов имел (разумеется!—*Прим. автора*) д-р О. Назарук. За каждый неверный шаг (слова оратора), сделанный теперь, наш народ будет тяжко страдать. Правительству подобает выразить доверие. Ему можно поставить в упрек только одно: почему не призваны в армию также и другие народности, кроме нас, которые живут на нашей земле» (№ 50 от 1 апреля 1919 г.).

Инцидент кончился тем, что д-р Назарук, который начал говорить из ложи, должен был взойти на трибуну и оттуда продолжал свою провокационную речь. Но, повидимому, уже не чувствуя себя в безопасности под охраной своих агентов в «балконной позиции», он утратил свой пыл и закончил без большого успеха, будучи часто перебиваем участниками с'езда.

Во всяком случае миссия О. Назарука сорвать с'езд не удалась.

---

[1]) Д-р О. Назарук, известный советник и политический ад'ютант д-ра Е. Петрушевича, был министром агитации и пропаганды в кабинете Директории и бежал из Киева в Галицию во время эвакуации его правительством Винниченка. Что касается политической физиономии этого «идеолога» радикальной партии, то необходимо подчеркнуть, что когда он работал на Украине, то агитировал за большевиков и, как говорят, обвинял членов Директории в черносотенстве и реакционности. Возвратившись в Галицию, он стал ярым врагом большевизма и прославленным адвокатом и защитником «диктатуры» но уже д-ра Петрушевича в период каменецкого развала во второй половине 1919 года.

Если доклад Беспалка был очень ловким шагом и был произнесен с полным сознанием цели, то доклад Я. Остапчука о земельном вопросе оказался чрезвычайно путанным и хаотичным. Его резолюция против выкупа крупной земельной собственности заменена впоследствии другою,—о конфискации ее в пользу малоземельных и безземельных, а также о национализации лесов. (Отчет Рабоче-крестьянского с'езда в газ. «Республика» № 52 от 3 апреля 1919 г.)

Выступления Антона Крушельницкого тем интереснее, что он приветствовал с'езд, якобы в качестве члена Национальной Рады, и в то же время заявил, что мандата на это он не имеет. Он подчеркнул свое удивление тому, что никто из правительства не приветствует с'езд, и, действительно, в его словах можно было услышать сожаление, вызванное отсутствием официальных представителей правительства и законодательного органа на с'езде беднейшей части украинского населения Восточной Галиции. Он должен был говорить, не имея на это мандата ни от партии радикалов, ни от Национальной Рады.

Земельный вопрос рассматривался на второй день с'езда и прения носили чрезвычайно бурный и горячий характер. По этому вопросу выступал также М. Шаповал, об'яснивший собранию основы земельного закона, изданного Директорией на Украине.

Я не хочу входить в дальнейшие подробности с'езда, а обращусь, так сказать, к закулисной, более интересной стороне дела, которая сыграла решительную роль в дальнейшем развитии исторических событий, непосредственно связанных со с'ездом.

Чрезвычайно трудным делом был выбор 61 делегата для пополнения Национальной Рады. Вопрос этот был решен так, что основная комиссия, составленная из 45 участников с'езда, после продолжительных переговоров и борьбы между крестьянством и рабочими, предложила список кандидатов из 45 крестьян и 16 рабочих, и с'езд этот список утвердил.

Этими делегатами должна была быть пополнена Национальная Рада, после чего с.-д. фракция приобрела бы большинство голосов, и во всяком случае решающее число. Вопрос заключался в следующем: войти ли силой в Нацио-

ональную Раду, или она сама согласится включить 61 делегата в свой состав.

Войти силой означало политический переворот. Это было то же, что разогнать Раду, ибо работать там, где большинство имеют рабочие и крестьяне, хотя бы руководимые «социал-предателями», вроде Витика и Беспалка, мещанско-буржуазная часть Рады безусловно не согласилась бы.

Можно ли было это сделать? Не разрушил ли бы такой «политический эксперимент» украинского фронта, не помог ли бы он полякам одержать победу? Мы и сейчас, как и тогда, решительно отвечаем: «н е т».

Во-первых, потому, что кабинет Голубовича был готов выйти в отставку и психологическая обстановка—настроение в стране—вполне созрела. Чрезвычайно сомнительной была бы возможность военного отпора, т.-е. вооруженной защиты своей власти правительством, даже в том случае, если бы оно имело для этого достаточно смелости и решительности. При небольшой работе и подготовке армия решительно не пошла бы против представителей Рабоче-Крестьянских Союзов. Это было тем легче, что переговоры с армией (гарнизоном У.С.С.) велись, и необходимо было лишь дать категорические раз'яснения и решительно действовать.

Второй момент — Национальная Рада не чувствовала за собой моральной силы. Она понимала, что не пользуется популярностью в массах, что правильная и плодотворная политическая ориентация—за Рабоче-крестьянский с'езд. Но эта ориентация была для Рады смертельна, как путь к классовой гегемонии рабочих и крестьян. Всякий, лишь немного думающий член Рады, понимал тот простой факт, что с того момента, когда Рада откажется включить делегатов с'езда, если даже дело не дойдет до захвата власти, делегаты с'езда раз'едутся по домам, по всему краю пойдет агитация: «Наши адвокаты не пустили в Раду представителей рабочих и крестьян, они не хотели работать вместе, а хотели п а н о в а т ь».

Иными словами: последний остаток доверия, которым до этого времени пользовалась Рада в массах, должен был исчезнуть в результате этих событий. П р е с т и ж Р а д ы с т а н о-

вился равным нулю, ее деятельность переходила в историю.

А разве среди членов У.С.-Д.Р.П. и в рядах Рабоче-Крестьянских Союзов не нашлось бы людей, которые с тем же успехом, а по всей вероятности и лучше, чем Национальная Рада, могли бы при расшатанных основах жизни руководить рабоче-крестьянскими массами, а затем и всем украинским народом Восточной Галиции?

И не все ли равно было, в конце концов, Беспалкам, Витикам, Темницким, с точки зрения политического карьеризма, быть ли членами рабоче-крестьянского правительства или вступать впоследствии на несколько месяцев в члены осужденных на смерть кабинетов «галицкой диктатуры» Петрушевича и украинской Директории?»

И не должна ли быть более близкой для «представителей» рабочих ориентация на революцию, чем на Антанту, не более ли симпатичной—работа с большевиками, чем с Клемансо и Ллойд-Джорджем, Пилсудским и Петлюрой?

Оставляя эти несколько вопросов истории, зададим другого рода вопрос: могла ли национальная Рада добровольно согласиться на включение в свой состав 61 делегата с'езда?

Скажем прямо: нет.

Рассмотрим фактическое положение.

Национальная Рада состояла приблизительно из 150 депутатов, из которых на пленарных заседаниях и в комиссиях работало от 40 до 60 членов. С включением организованной группы Рабоче-Крестьянских Союзов, в числе 61 чел., к которой должна была бы примкнуть с.-д. (в количестве 12 чел.) и левое крыло радикальной партии, все равновесие в Национальной Раде (буржуазное равновесие) было бы уничтожено. Должна была бы произойти частичная смена кабинета в пользу левых групп со всеми последствиями: связью с большевиками, стоявшими на Збруче, против которых был организован фронт под командой одного из лучших австрийских генералов на службе Западной области У.Н.Р.—Лауэра [1]).

[1]) Генерала Лауэра убили перед натиском поляков галицкие стрелки, когда он хотел перекинуть их после польского наступления на другой фронт,—большевистский.

Таким образом должна была бы окончиться скрытая политика ориентации на Антанту и обмана народных масс псевдореволюционными словами или, иными словами, должна была наступить ликвидация безнадежной политики украинских мещанских партий с ориентацией на западно-европейский капитал.

И разве не понятно, что мещанские политики из Национальной Рады предпочитали в последний момент лучше ухватиться за соломинку западного капитала, чем утонуть в большевистском море?

И как ни ясен и прост был этот вопрос, как ни назревал он с беспощадной логикой исторического события, однакоже вопрос о включении 60 делегатов с'езда в Национальнук Раду был поставлен не в плоскости первой комбинации: включить или разогнать. Под влиянием и в результате аргументации Беспалка, Темницкого и их сторонников было решено итти парламентской дорогой, т.-е. вести переговоры с кабинетом д-ра Голубовича и Национальной Рады.

Этот момент, когда под влиянием партийного авторитета т. Беспалка, Темницкого и их группы было решено не войти в Раду силой и таким путем изменить все направление политики Восточной Галиции, а—вести переговоры и добиваться «высокого согласия» на вступление в это «законодательное учреждение» Петрушевича, Голубовича и К°,—этот момент мы должны назвать классовой изменой Беспалка, Темницкого, Крутия и др.

В этот момент они стали заведомыми социал-предателями, и с него начинается их политическая карьера в кабинетах У.Н.Р.

Я хочу сказать несколько слов про ту группу, которая отстаивала первую точку зрения. Это была группа Рабоче-Крестьянского Союза, поддерживаемая вышеуказанными революционными представителями,—персонально т.т. Дмитрий Демьянчук, Осип Устиянович и Вл. Гадзинский. Наиболее влиятельный, в качестве члена Национальной Рады и вождя станиславовских железнодорожников, был тов. О. Устиянович,

но у него не было решительной линии, он все же находился под влиянием О. Беспалка.

То обстоятельство, что линия О. Беспалка вести переговоры одержала победу, является, с одной стороны, доказательством сильного влияния западно-европейского социал-демократического движения, с которым государственно (чрез Австрийскую империю) была связана Восточная Галиция и который развернулся позднее в явные формы социал-предательства, а с другой стороны, он доказывает отсутствие революционно-марксистской подготовки в массах и у вождей Рабоче-Крестьянских Союзов. И хотя культурно, восточно-галицийский пролетариат и крестьянство стояли выше своих русских и украинских собратьев [1]), но они все-таки не могли отнестись критически к политике своих недавних социал-демократических вождей и поддержать левые настроения в недрах У.С.-Д.Р.П.

Перед изложением самых переговоров с кабинетом (Державным Секретариатом) д-ра С. Голубовича и дальнейших событий в Национальной Раде, необходимо выяснить один факт, имевший свое значение для развития описываемых исторических событий.

Мы говорим об отсутствии в это время и в критические моменты авторитетного и популярного вождя С. Витика.

Беспалко был тогда мало известен в Галиции. Он работал, главным образом, на Буковине, будучи избран депутатом в австрийский парламент от украинского меньшинства (если не ошибаюсь, в г. Черновицах) и принадлежал в австрийском парламенте к социал-демократическому клубу. С. Витик (бывший все время существования З. О. У. Н. Р. политическим комиссаром в Бориславе и Бориславском уезде) на с'езд не приехал. Как я уже упоминал в примечании № 1, стр. 61, 62, он не участвовал и на партийной конференции 28—29 марта 1919 г. Трудно установить причины этого поведения одного из первых работников в рабочем движении Восточной Галиции. Об этом можно только догадываться. Об'яснять отсутствие текущей работы в Бо-

[1]) Процент грамотных в Восточной Галиции несравненно больше, чем на Украине и вообще в России.

риславе—не приходится. Остаются две возможности: Витик не придавал значения событиям, которые разыгрывались в Станиславове, или он считал более удобным не принимать участия в событиях, в которых нужно было иметь определенную политическую линию.

Сознательно ли предоставил С. Витик О. Беспалку печальную роль переговоров и измены в момент кризиса в Восточной Галиции?

С точки зрения партийного престижа и личного авторитета для Витика было безусловно лучше, чтобы в эти события, в эту историю «впутался» Беспалко, а не он.

Но с точки зрения общего значения для революции было бы лучше, если бы Витик приехал и в решительный момент для рабоче-крестьянских масс Восточной Галиции стоял на посту.

Ведь он всю свою жизнь работал для галицкого пролетариата...

Я не хочу идеализировать С. Витика, но не могу согласиться с мыслью, что, будучи в Станиславове, он согласился бы со скандальной тактикой социал-предательства Беспалка с отказом от всех честных традиций У. С.-Д. Р. П.

Подводя итоги этой истории, мы думаем, что т. Витик сознательно не приехал, так как знал, что положение очень неясно, и палка политики в этот момент имела безусловно два конца, оба весьма опасные.

Мы держимся того взгляда, что Витик не хотел класть пальцев между дверьми. Достойно ли такое положение партийного вождя—предоставляю об этом судить истории У.С.-Д.Р.П.

В Национальную Раду было послано письмо относительно включения избранных с'ездом делегатов, редакция которого принадлежала т. Беспалке [1]).

---

[1]) Письмо это попало в Национальную Раду 31 марта 1919 г., т.-е. на второй день после съезда. См. протоколы заседаний Национальной Рады, помещенные в газете «Республика», № 51, от 2 апреля 1919 г.

Письмо было послано в воскресение вечером 30 марта, так что уже в понедельник вечером депутация от делегатов Рабоче-крестьянского с'езда была приглашена через О. Беспалка к председателю державного секретариата д-ру Голубовичу, а во вторник утром письмо в первый раз обсуждала Национальная Рада.

В переговорах с Голубовичем делегация должна была официально уведомить его, как главу правительства, о резолюциях и позиции Рабоче-крестьянского с'езда в отношении: 1) земельного вопроса, 2) рабочего вопроса, 3) относительно необходимости перемены основ политики Западной области У. Н. Р., 4) относительно включения 61 делегата с'езда в категорической форме.

В делегацию входили: 1) О. Беспалко, 2) В. Темницкий, 3) т. Грабарь, 4) В. Гадзинский и еще двое крестьян, фамилий которых не помню.

Мы приехали к д-ру С. Голубовичу вечером и между нами произошла следующая беседа:

Беспалко об'яснил требование с'езда, которое я дополнил. Говорили также, насколько припомню, и все другие.

По лицу д-ра Голубовича легко можно было узнать, что он неприятно взволнован категоричностью и решительностью поставленных вопросов, и он в смущении задал нам вопрос:

— Это ваше последнее слово, господа, товарищи?

— Последнее,—сказали мы четверо.—Беспалко и Темницкий молчали.

— Тогда нам не остается больше ничего, как только выйти в отставку, сказал д-р Голубович.

Наступило короткое молчание и затем начал говорить Беспалко.

Он сказал, что участники Рабоче-крестьянского с'езда понимают затруднительное положение страны в связи с фронтом, ни о каких насилиях или перевороте они не думают. Вот буквально его слова. «Мы хотим исключительно пополнения Национальной Рады делегатами с'езда и легальной работы в этом законодательном учреждении» (записано мною тотчас после аудиенции по памяти. Я не думал тогда, что этим придется воспользоваться).

— Так вы так и говорите,—сказал нам д-р Голубович. Значит, это—не последнее ваше слово. Я соглашаюсь на все ваши предложения, но только вопрос о пополнении Национальной Рады 61 делегатом с'езда я не могу решить. Это исключительно дело самой Национальной Рады. (Д-р Голубович был вполне прав.—*Прим. автора.*)

И он в качестве главы правительства взял на себя обязанность (разумеется, ведь это было чрезвычайно политично с его стороны) посредника между исполнительным органом с'езда, — 61 делегатом и Национальной Радой, а также заявил, что выступит на заседании Совета Государственных Секретарей и Национальной Рады в защиту включения делегатов.

Могли ли мы разоблачить лидера с.-д. в присутствии главы правительства (врага нашей партии)?

Сейчас дело ясно. Надо было закончить на месте аудиенцию и за дверьми кабинета д-ра Голубовича арестовать (или застрелить.—*Прим. автора*) Беспалка, поднять на ноги гарнизон, вооружить участников с'езда и рабочих. Тогда у нас не было революционного опыта, а социал-предательские вожди еще сохраняли за собой авторитет.

Итак, это—не было последнее слово! Переговоры, в которых посредниками были, с одной стороны, О. Беспалко (от Исполнительного Комитета с'езда), а с другой, д-р С. Голубович (от правительства Западной области У. Н. Р.), начались. Революционный момент, который мог бы сыграть такую могучую роль в историии венгерской и русско-украинской революции, был упущен бесследно...

Мина классовой революции не взорвалась.

Провод перерезал в решительный момент социал-предатель.

На заседании Национальной Рады письмо от Рабоче-крестьянского с'езда читает сам д-р Е. Петрушевич (31 марта), и Национальная Рада постановляет: послать его в законодательную комиссию (!) и предложить ей на другой день, т.-е. 1 апреля, внести соответствующее предложение.

Правительство д-ра Голубовича выиграло время, равно как и Национальная Рада. Они уже не боялись, что ра-

боче-крестьянская демонстрация превратится в захват власти и они рассчитывали правильно. В среду участников с'езда уже проникла некоторая деморализация,—он не давал ожидавшихся наглядных результатов, которые могли бы удовлетворить их, а также массы, их пославшие и ожидавшие действительных перемен в управлении краем в своих интересах.

Политическое положение в стране в этот момент для правительства и Национальной Рады было спасено.

Массовая демонстрация прошла, с'езд кончился. Делегаты стали раз'езжаться по домам. Их настроение утратило революционный характер первого дня с'езда. Избранный «Исполнительный Комитет»—61 делегат в Национальную Раду—собрались в помещении газеты «Республиканец», чтобы посоветоваться о дальнейшем, о результатах с'езда и подождать Беспалка и Темницкого, которые докладывали о ходе переговоров. А тем временем правительство и Национальная Рада, выиграв время, уже не торопились с решением вопроса, тем более, что во вторник, 1 апреля, во время прений по поводу предложения законодательной комиссии в Национальной Раде, Беспалко взывал к политическому разуму членов Рады и произносил свою знаменитую речь, помещенную в примечании № 1, стр. 55.

У Национальной Рады был тогда «политический разум»; она знала, что уже не надо бояться соломенных угроз Беспалков и Темницких, и еще раз возвратила предложение и письмо с'езда в законодательную комиссию.

Весь смак откладывания решения вопроса о включении 61 делегата с'езда состоял в том, что буржуазная часть законодательной комиссии выдвинула в качестве своего докладчика В. Темницкого.

Эффект был полный. Дело находилось в руках вождя рабочих. Могла ли ему грозить опасность?

От лица законодательной комиссии Темницкий, в качестве ее докладчика, предлагал Раде дать законодательной комиссии полномочие вести с делегатами Рабоче-крестьянского с'езда дальнейшие переговоры и быстро упорядочить дело. Комиссия предлагала далее Национальной

Раде прервать заседание до окончательного разрешения вопроса.

Не надо добавлять, что Национальная Рада предложение отвергла и приняла предложение известного «правого радикала» (он известен также по трудовому конгрессу в Киеве, где выступал в качестве главы галицкой делегации) д-ра Льва Бачынского: «возвратить вопрос еще раз в комиссию (!) в виду того, что она не исполнила своего задания и не дала юридического обоснования,—формы, которая позволила бы включить 61 делегата Рабоче-крестьянского с'езда в состав Национальной Рады».

Это было как бы пощечиной Темницкому, который, насколько мне не изменяет память, был главой законодательной комиссии.

А делегаты выжидали дальнейших успехов легальной парламентской политики Беспалко и Темницкого и их переговоров с Национальной Радой.

Единственным светлым моментом в этом безнадежном положении была речь тов. О. Устияновича в Национальной Раде, в которой он прямо заявил, что в случае отклонения требований Рабоче-крестьянского с'езда Национальной Радой он сложит свои депутатские полномочия, так как ему нечего в ней больше делать. Но это было только жест бессилия.

На следующий день, т.-е. в среду, 2 апреля, должно было состояться заседание Национальной Рады с целью поскорее покончить с этим неприятным вопросом. На нем было постановлено закрыть прения, но было дано слово д-ру О. Назаруку и А. Крушельницкому, которые предлагали принять делегатов с'езда в члены Национальной Рады.

По предложению известного реакционера, национал-демократа д-ра Н. Горбачевского, еще раз до следующего дня (!) было отложено решение вопроса для того, чтобы он мог быть обсужден самостоятельно во фракциях.

На этом заседании между д-ром Назаруком и Беспалком дело дошло до перебранки и чуть не до рукопашной (Назарук провоцировал Беспалко в его социал-предательской чести) и ввиду этого председатель Петрушевич должен был прервать заседание.

За эти три дня вопрос настолько созрел, что его можно было разрешить. Мещанско-буржуазные партии уже не боялись: делегаты с'езда раз'ехались, грозной массы не было, а Исполнительный Комитет в числе 61 чел. был без нее не опасен.

На заседании Национальной Рады в четверг 3 апреля Темницкий снова докладывал предложение законодательной комиссии о том, чтобы Национальная Рада в принципе согласилась на включение в свой состав 61 делегата с'езда и уполномочила законодательную комиссию вести с делегатами переговоры о подробности вступления их в Национальную Раду.

На этом театральном заседании Беспалко оправдывался в своем скандале с Назаруком и заверял Раду в своих принципах порядка и спокойствия в государстве [1]), а д-р Бачынский свалил всю вину за последние события на социал-демократов [2]). Это была эффектная награда социал-демократам, ибо голос Бачынского имел вес (это был один из виднейших буржуазных идеологов радикальной партии, пользо-

[1]) Заседание Национальной Рады 3 апреля 1919 г. (из газеты «Республика», № 54, от 5 апреля 1919 г.): «Беспалко оправдывал свой вчерашний выпад во время речи Назарука и объяснял, что стоит вполне на позиции порядка и спокойствия в нашем государстве; он полагает, что порядок этот можно сохранить, лишь пойдя навстречу желаниям широких масс, собравшихся на Рабоче-крестьянском с'езде».

[2]) Заседание Национальной Рады 3 апреля 1919 г. (из газеты «Республика» № 54, от 5 апреля 1919 г.): «Д-р Л. Бачынский сваливает всю вину на социал-демократов. Все партии, говорит оратор, согласились с тем, что в Нац. Раде должны присутствовать представители малоземельных крестьян, но эти представители должны войти не под давлением террора, а на основе пятичленного избирательного права (пятихвостки). Критикуя социал-демократию, которая стремится к революции, он говорит: «Радикальная партия не будет устраивать революции против собственного государства, она устраивала революцию только против чуждых, враждебных народу, правительств» (бурные рукоплескания).

Эта фраза должна остаться в истории радикальной партии, как доказательство ее предательской (худшей нежели у эс-эров) идеологии, а также полного упадка революционной мысли у восточно-галицких радикалов.

Эта партия ликвидировала себя в качестве революционной крестьянской организации.

вавшийся большой популярностью в мещанских и кулацких кругах), и его выступление позволяло предугадать результаты голосования и общего отношения Рады к данному вопросу.

После его речи всеми голосами Национальной Рады, за исключением социал-демократов, предложение законодательной комиссии о включении 61 делегата Рабоче-крестьянского с'езда в Национальную Раду было отвергнуто.

Социал-демократы демонстративно ушли с заседания [1]), а Национальная Рада приступила к обсуждению законопроекта земельной реформы.

В помещении газеты «Республиканец» собрались 61 делегат с целью обсуждения положения, вызванного постановлением Национальной Рады.

Темницкий на это собрание не пришел, а Беспалко заявил, что больше не остается ничего, как раз'ехаться по

---

[1]) Не надо думать, что после провала предложения законодательной комиссии социал-демократы, покинувшие 3 апреля заседание, не явились снова на следующие заседания Национальной Рады.

— Как раз наоборот. Они присутствовали уже на ближайшем заседании и принимали активное участие в издании двух «мертворожденных законов»—земельного и избирательного (мертворожденных потому, что они никогда не вступали в силу, ввиду победы поляков). По поводу последнего Беспалко произвел большую речь, также являющуюся ценным документом для истории украинского социал-предательства. Передаю дословно по газете «Республика» (№ 64, от 17 апреля). Говорит тов. О. Беспалко: «Мечта нашего народа исполняется, мечта—управлять демократически самим собой. Мы должны здесь помянуть всех тех, которые пролили кровь в революции, ибо они разрушили старый несправедливый порядок и дали нам возможность управлять.

У нас не должно быть партийной гегемонии. Мы. социал-демократы, идем со всеми партиями (комментарии излишни. — *Прим. автора*).

После него говорил еще д-р Трилевский от крестьянской радикальной партии (левое крыло радикалов), который «горячо приветствовал заявление т. О. Беспалка, высказавшегося за демократию, а не за диктатуру какой-нибудь партии. Эти 61 делегат от Рабоче-крестьянского съезда, которых нет здесь между нами, теперь имеют возможность выставить свою кандидатуру. Этот закон (избирательный.—*Прим. автора*) станет жизненной основой государства». (А через четыре недели наступил катастрофический разгром на фронте.—*Прим. автора.*)

домам и поднять по всей стране агитацию против Национальной Рады и правительства.

В чрезвычайно угнетенном состоянии высказалось несколько делегатов с мест. Их слова можно передать следующим образом:

«Так дальше продолжать работу нельзя. Правительство и законодательные учреждения, которые ведут такого рода политику в отношении рабоче-крестьянских масс своего народа, не могут долго рассчитывать на успех своей политики. Не имея доверия и поддержки масс, они должны будут уступить и падут при первом крупном кризисе во внутреннем или внешнем положении края».

С раз'ездом делегатов эпизод Рабоче-крестьянского с'езда кончился.

Высказанный ими взгляд осуществился скорее, чем можно было думать. Шесть недель спустя эти театральные патриоты из Национальной Рады уже удирали перед победоносным наступлением франко-польской армии генерала Галлера, и им некуда было удирать, ибо на Збруче стояли большевики, а с юга подходили румыны.

Герои этого периода социал-демократы Беспалко и Темницкий вскоре затем пристроились министрами в кабинетах Мартоса и Мазепы, во время Каменец-Подольского периода, известного под названием «периода директории без территории».

В Восточной Галиции огромное большинство «народных» вождей удрало. Остался только тот элемент, который их слушался, который был основой политического брожения и бунта и на котором они выросли в государственных людей и буржуазных министров.

Рабочие и крестьяне Восточной Галиции заплатили жестокой ценой за свою политическую бессознательность и доверие к социал-демократическим и буржуазно-демократическим вождям под кровавым военным режимом также «демократической» польской республики.

Революционное движение восточно-галицкого пролетариата, малоземельного и беззе-мельного крестьянства переживало свой кровавый эпилог.

VII.

Заключение.

Оканчивается ли этими схематически описанными событиями короткий революционный период рабоче-крестьянских масс Восточной Галиции?

Мы скажем: основная часть закончена.

Осталось весьма немного, а хронологически—менее полутора месяцев от первых дней апреля до 15 мая 1919 г.

Уже первые дни мая принесли грозные вести о критическом положении украинского фронта в районе Гнилой Наварии и Городка под Львовом.

Вслед за этими известиями в половине мая произошел прорыв украинского фронта под Самбором и Львовом, который, спустя несколько дней, сменился паническим отступлением галицкой армии и части населения сначала на Карпаты (Калуш—по плану ген. Омельяновича-Павленко), а затем на Румынию через Залещики на Днестре, а в конце концов, когда румыны не захотели никого (даже диктатора д-ра Е. Петрушевича) пропустить через свою границу на Днестре,—через Збруч—на Украину.

Своим отказом включить 61 делегата Рабоче-крестьянского с'езда Национальная Рада подписала себе смертный приговор.

Для масс был еще принят земельный и избирательный закон (см. приложение № 5 и 6), и это была последняя законодательная деятельность прославленной «Рады».

Делегаты с'езда раз'ехались по домам, но работа в Рабоче-Крестьянских Союзах замерла. Политическая неудача первого выступления не могла положительно повлиять на ее развитие, тем более, что упомянутая военная катастрофа приближалась с силой исторической необходимости.

В Станиславове выходил еще «Республиканец» (позднее, во время отступления, он эвакуировался в Каменец-Подольск, и там вышло еще несколько №№ этой газеты). Его место заступила, уже позднее, «Борьба», первый № которой вышел в Каменец-Подольске 12 ноября 1919 г., в качестве органа У.С.-Д.Р.П. Галиции и Буковины.

Но роль двух этих газет последнего периода («Республиканца» еще в Галиции) сводилась к страстной борьбе против доживавшего свои дни Державного Секретариата, а затем — известной «Диктатуры д-ра Е. Петрушевича». Реальной работы принципиального политического значения среди рабочих и крестьян они не вели потому, что обстановка Каменецкого периода — беспринципная взаимная грызня, междоусобицы и безнадежное военное положение делали ее невозможной.

Так, например, «Республиканец» отказался от прямой ориентации на революцию и большевиков и начал признавать директорию единственной властью на Украине. И когда галицкие черносотенные круги «диктатуры» хотели в Каменце свергнуть правительство Мартоса, а впоследствии Мазепы, то эта газета писала следующее: «До нас доходят печальные известия, что украинские черносотенцы в безумном ослеплении реакционности хотят арестовать министерство при Директории. Как это назвать? Изменой. Нет! Это слишком мягкое слово! В нашем словаре нет соответствующего названия».

Как видим, «Республиканец», которого до конца редактировал тов. Демьянчук, как и впоследствии «Борьба», ограничивались в своей ориентации безудержной бранью по адресу украинских правых партий; но в то же время доставалось и большевикам. Это об'ясняется тем, что социал-предательская линия принесла временный личный успех — руководителям министерские портфели.

Из прежних лидеров Беспалко был Каменецким министром труда в кабинете Мазепы, Витик взял вновь организованное министерство галицких дел, а Темницкий добился должности тов. министра иностранных дел и поспешил уехать за границу на помощь д-ру В. Панейко и М. Ло-

зинскому в Париж, довольный тем, что вырвался из Каменецкого безумного ада.

Это значит, что все партийные лидеры были при власти, давали деньги, и пресса утрачивала всякие следы революционности, становилась оплаченной рептилией в руках социал-предателей.

У меня нет точных сведений о том, когда «умер» «Республиканец», как кажется, это случилось в августе или сентябре 1919 г.

Однако он до самого конца не стал органом У. С.-Д. Р. П. Эту роль выполняла «Борьба», орган министра труда Беспалко, который велся в типично социал-предательском направлении. Она не поднялась выше партийной грызни в рамках национальной державы. Все ее содержание составляла борьба со «Стрельцом», органом «Диктатуры», который *редактировал тогда О. Назарук.*

На этом оканчиваются официальные материалы и известия.

Что пережил в это время украинский работник и сельский бедняк, этого не в силах описать история! Напомню лишь те дикие репрессии, которым подвергались восточно-галицкие железнодорожники, напомню о т.т. Евстахие Олиярнике, Багрие и др. Сколько насилия со стороны польско-панского террора выдержал на своей шкуре восточно-галицкий украинский крестьянин, напрасно добивавшийся у «своих» права на землю, за которую радостно погибал!

За эту кровавую, не написанную историю рабочего класса и крестьянства ответственны не только мещанские и буржуазные украинские партии; еще более позорную ответственность несут на себе те вожди рабочего класса и крестьянства, которые, стоя во главе масс, располагая их революционностью и готовностью к борьбе, не направили их, куда следовало, а продали их сначала родным по национальности, а затем чужим классовым врагам, забирая в свои карманы барыши от этого исторического процесса.

Сейчас, спустя три года после этих событий, можно определенно сказать, что с началом переговоров с Нац. Радой окончилось и было продано революционное движение пролетариата и крестьянства восточной Галиции. Все, что

было позднее, носило явный социал-предательский характер, революционное движение должно было уйти в подполье, где оно вынуждено скрываться до настоящего дня.

Но события, описанные в настоящем очерке, нельзя оставлять в перспективе исключительно галицкого и даже общеукраинского политического положения. Они, как я уже об этом говорил в конце первой главы, имели непосредственное влияние на ход событий в Венгрии, о чем, в виду общереволюционного его значения, необходимо сказать несколько подробнее.

За все время описанных событий в Венгрии существовало революционное правительство т. Бела-Куна, в руки которого известный граф Кароли передал управление землями короны св. Стефана.

На Украине Директория отступала через Винницу до Ровно и после измены Оскилка переехала через Броды в Галицию, в Тарнополь, а большевистские войска подходили к самому Збручу. В течение февраля, марта, апреля и мая Восточная Галиция была заперта: 1) с востока—большевиками, 2) с юга—Венгерской советской республикой и Румынией, 3) с запада и севера—польским фронтом. Не надо об'яснять, какое значение имела для революции непосредственная связь Москва—Будапешт, которая должна была возникнуть с момента провозглашения в Восточной Галиции диктатуры пролетариата и советской власти. В таком случае освобождался украинско-галицкий фронт против большевиков на Збруче, и тогда можно было бы кинуть все украинские силы на польский фронт и постепенно организовать их в красную армию, а большевистские силы бросить на помощь красной армии Венгрии, в тыл румынам.

Положение давало надежду на успех, который имел бы неисчислимые последствия для революции в Европе вообще.

Социал-предательская политика У. С.-Д. Р. П. (особенно Беспалка, Витика, Темницкого и др.) вместе с обломками Директории уничтожила первый революционный взрыв восточно-галицких крестьян, она разбила их стремление к связи с большевиками и подорвала их бессознательный классовый инстинкт, который должен был ориентироваться на революцию и город, чтобы допустить свободный пере-

ход большевиков в Венгрию, в тыл румынам; она поставила пограничную стражу и часть галицкой армии на Збруче, а затем использовала восстание на Украине для поддержки Директории и Деникина против Советской власти—революционного правительства У. С. С. Р.

Это не случайное совпадение, что крушение венгерской революции с первых дней мая 1919 года [1]) совпадает со временем распада украинского фронта против поляков в Галиции и отступлением галицкой армии на Збруч, а затем на Украину.

Украинская буржуазная власть Восточной Галиции, идя путем контр-революции,—безнадежной ориентации на Антанту,—умирая, все же до последнего издыхания держала штыки против революции и не допустила связи и об'единения русско-украинской и венгерской революции. Падая сама, она потянула за собою и последнюю.

Этот факт имел свои последствия.

Весна 1919 года—это час отступления революционной стихии, докатившейся под самую Вену и Будапешт и повернувшей назад через Венгрию, Галицию, Украину и Дон; это отступление закончилось лишь разгромом Деникина под Тулой. И в этой общей исторической перспективе, в этом могучем столкновении на пространствах от Вены до Тулы, это местное, незначительное на первый взгляд, «галицкое действо», измена лидеров У. С.-Д. Р. П., приобретает мировое значение с отдаленными и важными последствиями в общей истории революции.

«Восточно-галицкий, так называемый национальный украинский Пьемонт, который до войны так успешно боролся против австрийской реакции и столь щедрой рукой давал по-

[1]) Парижское радио от 4 мая 1919 г.: «Падение коммунистического правительства в Будапеште. Сообщают по телеграфу, что Будапештское правительство приняло условия союзников (Антанты), потребовавших немедленной капитуляции правительства, выдачи всего оружия и амуниции и оккупации союзниками Будапешта».

Вторая телеграмма через Лион гласит: «В связи с развитием последних событий, румыны и чехи наступают на Будапешт. Вожди венгерских коммунистов прибыли в Вену».

мощь и защиту жертвам царского режима, стал в решительный момент развития революции в 1919 году центром мещанской черносотенной реакции украинской интеллигенции и при помощи и активном участии вождей У. С.-Д. Р. П. сыграл в этот период исторических событий явно контр-революционную роль».

Для раз'яснения этих событий и для закрепления их в памяти крестьян и рабочих Украины и написана эта брошюра. С другой стороны, пусть она расскажет о небольшом эпизоде в истории нашей революции, пусть станет небольшим вкладом в историю этого гигантского периода нашего времени: борьбы труда, кровавого труда рабочих и крестьян, с капиталом, жестокой системой управления миром руками эксплоататоров и грабителей.

Москва. Востряково, июль 1922 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1.

Извещение и порядок дня Рабоче-крестьянского трудового съезда [1]).

Товарищи рабочие и крестьяне!

В настоящий важный момент, когда падают основы мирового капитализма, когда трудовой народ, крестьяне и рабочие захватывают государственную власть в свои руки и водружают пролетарские знамена на высоких престолах бывших царей и королей, мы созываем Вас на областной

Крестьянско-Рабочий Трудовой С'езд
в Станиславове,

который состоится 30 марта с. г. Порядок дня с'езда следующий:

1) открытие и выборы президиума,
2) информационный доклад о настоящем политическом положении,
3) доклад о земельном вопросе,
4) доклад о рабочем вопросе,
5) предложения и запросы.

В каждом селе и городе должны состояться собрания, на которых должны быть избраны делегаты на с'езд. Села выбирают по три, местечки—по пять, а большие города по 10 делегатов. Политические и профессиональные организации избирают по одному делегату на каждые 200 членов. Каждый делегат должен получить мандат, подписанный

---

[1]) Газета «Республиканец», № 17, от 27 марта 1919 г.

президиумом собрания (председателем и секретарем) или правлением данной организации.

Избирать и быть избранными имеют право только украинцы-безземельные и малоземельные крестьяне, рабочие фабрик, рудников, городские, железнодорожные, торговые и ремесленные, а также лица интеллигентного труда, словом, те, кто живет трудом рук своих и ума и никого не эксплоатирует, кому дорога самостоятельность и обеспечение своего политического и материального существования.

Товарищи крестьяне и рабочие! Решайте сами свою судьбу, будем строить собственными руками самостоятельную Украину.

Областное правление Крестьянско-Рабочего Союза.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2.

Извещение о партийной конференции У. С.-Д. Р. П. 28—29 марта 1919 г. [1]).

Об'явление.

Украинская социал-демократическая рабочая партия созывает на 28—29 марта 1919 года:

Партийную конференцию,

в Станиславове (в помещении «Молодой Громады», улица Богдана Хмельницкого). Порядок дня:

1) Открытие и выборы президиума.
2) Права рабочего (докладчик тов. Семен Витик).
3) Экспроприация крупной земельной собственности (докладчик тов. Осип Беспалко).
4) Немедленное проведение выборов в сейм (докладчик тов. Рудольф Скибинский).
5) Кто должен управлять волостями и как (докладчик тов. Роман Яросевич).

[1]) Газета «Республиканец», № 17, от 27 марта 1919 года.

6) Переложение тягостей войны на имущие классы (докладчик д-р Мирон Витошинский).

7) Вопрос об армии и железных дорогах (докладчик тов. Осип Устиянович).

8) Наша школа (докладчик тов. Осип Беспалко).

9) Иностранная политика и политика момента (докладчик В. Темницкий).

10) Пресса и партийная литература (докладчик тов. Иван Калинович).

11) Организация партии (докладчик тов. Осип Крутий).

12) Крестьянско-рабочий союз.

Каждая местная организация посылает на конференцию от одного до пяти представителей, соответственно численности товарищей на месте.

Товарищи и товарки!

Важность настоящего момента и чрезвычайная актуальность вопросов, намеченных порядком дня, требует, чтобы вы приложили все силы для полного представительства на этой конференции.

Собирают:

Уездные организации украинской социал-демократической рабочей партии в Станиславове и Дрогобыче.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.

Передовица газеты «Республиканец» перед съездом (в № 18, от 30 марта 1919 г.).

30 марта.

Сегодняшний день должен стать переломом в истории революционной жизни Украины. Однобокая националистическая политика правительства, которое привыкло ориентироваться на все лады и на все стороны и строить новое государство на старых, осужденных историей основах, боялась революционности масс и свободной мысли, тех самых

факторов, которые перевернули старое и отжитое и из которых только и может произойти что-нибудь новое.

Военная диктатура, запрещение собраний, цензура не давали возможности трудовому народу поговорить о текущих вопросах, которые поставили современный момент на очередь дня. Посовещаться сообща не разрешено, но каждый в углах с кем-то шептался, а в революции это то же, что закрытый котел с кипящей водой. Революция имеет свои железные законы, по которым она должна итти вперед. Недолга жизнь того правительства, которое не попадет на революционную линию масс и не возьмет всего, что дает революция. Последняя не знает обещаний и оттяжки, она сама берет, сама творит жизнь, а законодательные учреждения могут только констатировать и выявлять то, что фактически уже сделано. Мы видим, что делается с теми, кто хочет творить революцию законами; тот самый народ, который вчера шел за ними, сегодня выкидывает их за борт.

Мы видели триумф Керенского, слышали громкие крики «слава» батьке Грушевскому. Видели радостный в'езд Петлюры и какой «печальный выезд».

В Галиции, по правде сказать, революции не было. Были только отважные люди, которые стащили за уши со сцены одних актеров и посадили других, а, между тем, сцена та же самая, и те же пьесы.

Вследствие направления политики правящих органов, которые тенденциозно держали известную часть народа подальше от тех мыслей, которыми живет большинство широких масс, и упорно сдерживали революционный размах, не верили в творческие силы собственного народа, новые мысли заменяли сказками Агриппы и косили глаза в ту сторону, откуда может притти только неволя,—приходится носить позор контр-революционного фактора не только в мировом масштабе, но и в своем собственном.

Декларация сечевых стрельцов, это—не простая перемена позиций атаманов, в ней много трагизма, жаль только, что так поздно догадались.

Сегодня собирается трудовой народ Галиции—выразитель действительной воли работающих масс—и должен ска-

зать свое слово в важный и критический час для Украины. Он должен правдиво оценить настоящее политическое положение Украины в связи с международным положением и высказать свою решительную мысль: с кем ему по дороге.

Он должен резко осудить тех, политика которых поддерживает всемирную реакцию и подрывает возрождение трудящегося украинского народа. С'езд должен разобрать по косточкам все три свои правительства и решительно запротестовать против устройства в Галиции базы контр-революции. Всем тем, кто обманывает украинский народ, не место на украинской земле.

Трудовой народ должен решить проблему власти.

Он должен понять, что только власть крестьян и рабочих спасет революцию, а вместе с нею и Украину...

В экономической и социальной области с'езд, как выразитель воли трудового народа, должен считаться с требованиями момента и твердо отстаивать организацию народного хозяйства на социалистических началах: социализацию земли, национализацию фабрик, муниципализацию предприятий и т. д., ибо только такое разрешение этих вопросов даст полное освобождение труда и нанесет смертельный удар капиталистическому порядку, с его неразлучными спутниками: милитаризмом, войной и т. д., которые уничтожают человеческую культуру.

Трудовой народ Галиции!

Пойми, чего от тебя требует история.

Ты стоишь на пороге, между двумя силами, и от твоей позиции существенно зависит, какой фронт устоит.

Иди туда, где стоят твои товарищи по работе, которые с силами исполина сокрушают основы старого мира и приглашают всех трудящихся к беспощадной расправе над народными палачами.

Смотри, чтобы пролетариат других стран не плюнул тебе в лицо, как лакею и прихвостню буржуазии.

С 30 марта начинай новую историю.

Пиши свою трудовую историю.

Как напишешь, так и будешь читать.

(К.)

Извлечение из другой статьи „Время не ждет".

Каждый рабочий и крестьянин должен сказать себе, что когда он жертвует самое ценное, то это идет на общее благо Украины.

За новый строй, за новые основы мира, за новые моральные законы и возрождение человека! За равноправие человека и беспощадную борьбу с дикой эксплоатацией капитала и владетелей всего мира!

Будьте сознательны вы, которые держите в своих руках власть и будете держать ее в тяжелую и радостную минуту победы народных масс над старыми грабителями!

Сознавай свои задачи, рабоче-крестьянская масса!

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.

Краткий доклад совету державных секретарей в Станиславове о большевистских влияниях и настроениях в стране.

(Через главное командование Г. А.)

Ставка, 8 мая 1919 года.

Докладчик Бюро Народного Образования, сотник И. Эрденбергер, в качестве делегата главного командования Г. А. на уездном вече (собрании) 7 мая 1919 года в Бережанах (около 2.000 чел., в том числе одна треть женщин), дает следующий отчет:

1) Вече высказалось *за войну с поляками и против войны с большевиками.*

2) Вече выражает доверие директории, как центральной власти У. Н. Р., и державному секретариату, как власти западной области У. Н. Р.

3) Вече питает полное доверие к фронту и главному командованию.

4) *Оно желает немедленного об'явления и проведения в жизнь земельного закона и закона об избирательной реформе.*

5) Народ желает провозглашения конфискации помещичьих имений и чтобы теперь же земельные комитеты по сельским обществам взяли в свои руки управление конфискованными землями.

6) *Не хочет входить ни в какие договоры «с дидычами» (помещиками) и их защитниками* [1]).

7) Много нареканий на поступки комиссаров при разделе соли и семян и реквизициях, особенно на сельских.

8) На замечание депутата Старуха, что большевики хотят отобрать от крестьян их собственность и хотят сделать из них рабочих, кричали: «неправда», а когда депутат Старух сказал: «спросите тех, которые были в России»,— ему ответили: «они уже нам про это говорили».

9) Народ несознателен, не имеет в селах ни газет, ни брошюр. Достаточно одной вражеской или большевистской беседы, чтобы потянуть за собою массы. Доказательством может служить то, что депутат Олийник, народный учитель из Козивки, имел огромный успех, говоря с галлереи в духе крестьянско-рабочего союза. Например: «Наши министры,—это одни адвокаты. Национальной Раде мы не можем доверять, ибо народ ее не выбирал. Адвокаты поувольнялись из армии и издали для себя увольнительный закон». Вече кричало: «Позор им».

Депутат Старух, несмотря на 30-летнюю работу в своем уезде, не имеет за собою масс. Это—печальный факт.

Поэтому необходимо немедленно издать брошюру о большевизме и осведомить народные массы тысячами брошюр и популярной прессой, иначе будет слишком поздно. Народ может утратить доверие к своим вождям и пойдет за лозунгами, которых не понимает. Надо обратить внимание, что в пограничных уездах положение еще грозней.

Приписка: Директории У. Н. Р.

Ставка 9 мая 1919 года.—К сведению.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

Земельный закон Западной области Украинской Народной Республики, принятый Национальной Радой 17 апреля 1919 года.

§ 1. Западная Область Украинской Народной Республики желает наделить землей всех тех земледельцев, которые вовсе не имеют земли и земля которых недостаточна для

[1]) Курсив везде наш.

поддержания существования их семейств, а также вести под собственным управлением хозяйство во всех лесах, расположенных в государстве.

§ 2. С этой целью экспроприируются, независимо от того, являются ли собственниками физические или юридические лица:

1) Все земельные владения, выделенные из территории сельских обществ и составляющие, по мысли закона от 12 августа 1866 г., помещичьи усадьбы вместе с присоединенными к ним бывшими крестьянскими землями (рустикальными грунтами);

2) все владения мертвой руки, т.-е. казенные, монастырские, епископские, церковные и эрекционные земли;

3) все земли, приобретенные их прежними владельцами для спекуляции;

4) владения, собственники или держатели которых не обрабатывают их собственными силами, хотя бы они и не попали в разряд перечисленных в § 1;

5) все владения, которые превышают означенный размер, поскольку они не подходят ни под одну из перечисленных выше категорий владений.

Владения, перечисленные в п.п. 1, 2 и 3, экспроприируются целиком. Размер же экспроприации владений, указанных в п. 5, будет указан особым законом.

Размер экспроприаций владений, указанных в п. 4, будет установлен областной комиссией по заслушании доклада уездной и сельской комиссии.

§ 3. Областная Земельная Комиссия может оставить для целей общественного хозяйствования государства, волостей или общеполезных, экономических, культурных и благотворительных учреждений, для организации образцовых хозяйств, земледельческих школ, промышленных, просветительных, благотворительных и общеполезных учреждений и т. п. необходимую для исполнения их задач площадь земли.

§ 4. Экпроприации подлежат означенные в § 2 этого закона владения, независимо от рода и культуры, вместе с лесами, водами и подземными богатствами.

§ 5. Экспроприация земельных владений, указанных в § 2 этого закона, не нарушает ипотечных закладных и иных

долгов, обеспеченных экспроприируемой землей, но проценты по денежным ипотекам должны быть понижены до нормы, установленной с 1 августа 1918 года для взноса в сберегательные кассы.

Размер и способ оплаты этих долгов будет установлен особым законом.

§ 6. Арендные договоры, заключенные без разрешения властей, после 1 ноября 1918 года, утрачивают законную силу. Более старые арендные договоры расторгаются со дня провозглашения экспроприации. В обоих случаях вознаграждение арендаторов за посевы, мелиорации и иные вклады в землю производятся по смыслу § 5 этого закона, и способ их удовлетворения будет установлен особым законом. Все иные вознаграждения, за исключением вознаграждения за убытки, ввиду утраченного права эксплоатации, арендатор получает от прежнего собственника.

§ 7. Вся экспроприированная земля, поскольку она, на основании этого закона, не переходит в руки государства, составляет земельный фонд Западной Области У. Н. Р., которым до времени его раздела управляют под надзором правительства областная, уездные и волостные земельные комиссии, соответственно постановлениям настоящего закона.

§ 8. Областная Земельная Комиссия состоит из 9 членов, а именно—из 5 членов, избранных Украинской Национальной Радой, и 4 членов, избранных уполномоченными уездных земельных комиссий, по одному от каждого уезда.

Председателя Областной Земельной Комиссии избирают члены Комисии из своей среды.

На заседаниях Областной Земельной Комиссии имеет право и обязанность присутствовать державный секретарь по земельным делам или его представитель, и в случае, если постановления Комиссии будут нарушать закон, то он имеет право приостановить эти постановления. В таком случае председателю Комиссии предоставляется право обжалования в Украинскую Национальную Раду.

§ 9. В состав Уездных Земельных Комиссий входят:

а) 6 членов и 3 заместителя, избранных представителями всех сельских земельных комиссий, по одному от каждой комиссии;

б) 3 члена, назначенных областным правительством из среды специалистов по сельскому хозяйству, технике и правоведению.

§ 10. Волостная Земельная Комиссия составляется из 7 членов и 3 заместителей. 6 членов и 3 заместителей выбирают все жители данной волости, на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, а 7-ым членом является начальник волости. Председателя и его заместителя избирают члены Комиссии из своей среды.

§ 11. Областная и уездная Комиссии избираются на 3 года. Волостная—на один год. Более подробные постановления об организации, правах и деятельности земельных комиссий будут определены инструкцией, которую издаст Державный Секретариат Западной Области У. Н. Р.

§ 12. Из областного земельного фонда наделяются землей безземельные и малоземельные украинские граждане, принадлежащие к Западной Области У. Н. Р., которые занимались хлебопашеством до издания настоящего закона, а именно в такой последовательности:

солдаты-инвалиды, утратившие свое здоровье в войнах, веденных Украинской Народной Республикой;

вдовы и сироты тех, которые были убиты в этих войнах или погибли вследствие их;

солдаты-инвалиды мировой войны, веденной в период от 1914 до 1919 года;

сироты и вдовы, отцы или мужья которых лишились жизни в этой войне или вследствие ее;

сироты и вдовы, не военные;

другие безземельные и малоземельные хлебопашцы, не служившие в армии и не ставшие калеками;

в последнюю очередь отводятся, в меру надобности, соответственными площадями экспроприируемые земли на указанные в § 3 цели общественного хозяйства.

Лица, наказанные за дезертирство из украинской армии или за уклонение от службы в этой армии, далее лица, наказанные за преступления против Украинской державы и ее вооруженной силы, а также соучастники этих преступлений или подстрекатели к ним, понесшие за это наказание, а равным образом граждане иностранных го-

сударстг не имеют право на надел экспроприируемой землей.

§ 13. Пашни и горные равнины (полонины), поскольку они на основании § 2 настоящего закона не сохраняются за частными владельцами, а также площади экспроприированной земли, предназначенные земельными Комиссиями под пастбища, переходят в собственность волостей или об'единения соседних волостей, которые при установлении способа пользования ими должны принимать во внимание желание союза мелких собственников скота.

Экспроприированные леса не разделяются. Они переходят в собственность или непосредственное управление Западной Области У. Н. Р. Способ пользования и размер всяких иных сервитутов в пользу населения в экспроприированных и принадлежащих теперь уже государству лесах будет установлен инструкцией Державного Секретариата Западной области У. Н. Р.

Экспроприированные леса, которые не составляли и не составляют площади, на которой возможно рациональное или охранительное лесное хозяйство, могут быть оставлены земельными Комиссиями в руках частных собственников.

§ 15. Земельные Комиссии могут оставить из экспроприированной земли некоторую площадь для облесения и передать ее в собственность и под управление государства, особенно в тех местностях, где лесов совсем нет или их очень мало.

Для этой цели надлежит утилизировать пустопорожние земли, овраги и берега рек, пригодные для этого, а также и волостные,—эти последние с соответствующим возмещением убытков.

§ 16. Из экспроприированных имуществ переходят:

1) ручьи и несплавные реки—во владение волостей, через которые они проходят;

2) пруды, озера и болота—к волостям, в пределах которых они лежат, или к союзам волостей, которые с ними граничат.

§ 17. Постановление относительно способа и времени раздела экспроприированной земли (§§ 12 и 13), размеров на-

дела землей в каждом уезде или полосе страны, размеров его цены и способа оплаты, относительно приема и использования подземных богатств государством, наконец, относительно ограничения свободы распоряжения имуществами частных собственников актами между живыми и на случай смерти—будут указаны в особом законе или законах.

§ 18. Наделение землей не может начаться ранее окончания войны и возвращения солдат и пленных домой.

§ 19. Вопрос о возмещении убытков прежних собственников или держателей будет разрешен законодательным учреждением Западной Области Украинской Народной Республики, которое будет избрано на основании нового избирательного закона.

§ 20. Независимо от того, как и когда будет решен вопрос о возмещении убытков собственников или держателей экспроприированной земли (§ 19), последняя переходит уже теперь в управление государства, которое через свои органы передает это управление волостным земельным комиссиям.

До времени издания предусмотренных в § 17 особых законов и окончания наделения землей земельные Комиссии, с утверждения державного секретариата Зап. Области У. Н. Р., могут оставить в пользовании нынешних собственников или держателей такую площадь экспроприированной земли, которая безусловно необходима для содержания собственника, его семьи и служащих и для ведения существующих в настоящее время на экспроприированной земле промышленных заведений.

При приеме экспроприированной земли в непосредственное управление государства надлежит составить подробное описание состояния их управления и инвентаря.

§ 21. Самовольный захват и раздел экспроприированных на основании настоящего закона земель, а также уничтожение лесов, строений, инвентаря и земных произрастаний на них, поскольку не составляет преступлений, подлежащих каре уголовного уложения, карается в административном порядке арестом до 6 месяцев, с которым может быть соединен денежный штраф до 10.000 крон.

Кроме того, виновные могут быть присуждены к потере прав на наделение землей.

§ 22. Настоящий закон вступает в силу со дня его об'явления.

§ 23. Проведение этого закона в жизнь поручается всему Державному Секретариату Западной Области У. Н. Р. с тем, чтобы наказ по его выполнению был издан до 1/VII 1919 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6.

Избирательный закон, принятый Национальной Радой.

На основании предложенных законов законодательным органом Зап. Области У. Н. Р. должен был стать сейм, избранный на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального избирательного права для граждан обоих полов.

Право избирать депутата в сейм (активное избирательное право) имели граждане, достигшие 20 лет; право быть избранным (пассивное избирательное право) имели граждане, достигшие 28 лет.

Сейм должен был состоять из 226 депутатов, из которых 160 украинцев (70,8%), 33 поляка (14,6%), 27 евреев (11,9%) и 6 немцев (2,7%).

Число членов сейма было разделено законом между всеми народностями в видах того, чтобы при выборах не происходило никаких национальных конфликтов. Для каждой народности были установлены национальные избирательные округа, в которых избирательное право принадлежало только избирателям данной народности.

Избирательные округа территориально совпадали с округами окружных судов (напр., избирательный округ Львова обнимал территорию Львовского окружного суда и т. д.).

Украинские избирательные округа избирали: 1) Перемышльский — 12 депутатов, 2) Львовский — 22, 3) Злочевский—13, 4) Тарнопольский—9, 5) Бережанский—12, 6) Чортковский—12, 7) Коломыйский—14, 8) Станиславовский—20, 9) Стрыйский — 12, 10) Самборский — 13, 11) Сяникский — охватывал судебные уезды Лемковщины и избирал 9 депутатов, 12) Буковина обнимала украинские судебные уезды и избирала 12 депутатов.

Польские и еврейские избирательные округа: 1) Тарнопольско-Злочевско-Бережанский избирал 10 депутатов поляков и 6 евреев, 2) Львовский—7 поляков и 5 евреев, 3) Станиславовско-Стрыйско-Чортковский — 6 поляков и 7 евреев, 4) Коломыя-Буковина—1 поляка и 4 евреев, 5) Самборско-Сяницко-Перемышльский—9 поляков и 5 евреев.

Немецкий избирательный округ составляла вся Зап. Область У. Н. Р. с шестью депутатами.

В каждом избирательном округе избиратели каждой народности составляли особое избирательное учреждение.

Например, в Тарнопольском украинском округе все украинские избиратели составляли один избирательный корпус, избиравший установленное для данного округа число украинских депутатов; так же в Злочевско-Бережанском округе и т. д. Все польские избиратели в польском Тарнопольско-Злочевско-Бережанском составляли опять-таки особый избирательный корпус, избиравший установленное для этого округа число польских депутатов. Все еврейские избиратели в еврейском округе Тарнополь-Злочев-Бережаны составляли опять-таки один избирательный корпус, избиравший установленное для этого округа число еврейских депутатов.

Таким образом, украинские, польские, еврейские и немецкие избиратели составляли особые национальные избирательные корпуса, которые не имели между собой ничего общего и не могли иметь между собой никаких конфликтов.

В каждом национальном округе выборы были пропорциональны. Например: в Львовском украинском округе украинские избиратели избирали 22 депутатов пропорциональной системой, т.-е. каждая партия имела право выставить 22 кандидата, и депутатские места распределялись между партиями пропорционально полученным каждой из них голосам. Первые выборы в сейм должны были состояться в июне 1919 г.

(По материалам д-ра М. Лозинского).

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Предисловие 3

Предисловие к русскому изданию 5

Глава I. Общее положение Восточной Галиции в 1918 году и политические группировки 7

Глава II. Отсутствие революционного сознания у рабочего класса и инертность мещанства 17

Глава III. Национальный вопрос в Восточной Галиции, как главное препятствие для революционного движения рабочих и крестьян 23

Глава IV. Захват власти украинцами первого ноября 1918 г. . . . 29

Глава V. От первого ноября 1918 г. до конца марта 1919 г. . . . 34

Глава VI. Рабоче-крестьянский трудовой с'езд и его значение в истории революционного движения в Восточной Галиции в 1919 году 53

Глава VII. Заключение 79

Приложение № 1. Извещение и порядок дня рабоче-крестьянского трудового с'езда 85

„ № 2. Извещение о партийной конференции У. С.-Д. Р. П. 28—29 марта 1919 г. 86

„ № 3. Передовица газеты „Республиканец“ перед с'ездом (в № 18, от 30 марта 1919 г.) 87

„ № 4. Краткий доклад совету державных секретарей в Станиславове о большевистских влияниях и настроениях в стране 90

„ № 5. Земельный закон Западной области Украинской Народной Республики, принятый Национальной Радой 17 апреля 1919 г. 91

„ № 6. Избирательный закон, принятый Национальной Радой 97